ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОСКОВСКАГО ПРОТОІЕРЕЯ Н. И. НАДЕЖДИНА

(1832—1833 гг.).

Протоіерей Николай Ивановичъ Надеждинъ, изъ воспитанниковъ Рязанской духовной семинаріи, поступилъ въ Московскую Академію въ 1832 году и окончилъ въ ней курсъ въ 1836 году магистромъ. Былъ профессоромъ сначала Рязанской семинаріи, потомъ Виѳанской и, наконецъ, Московской, изъ которой вышелъ въ 1843 году во священники. Былъ священникомъ въ приходѣ священномученика Антипы, потомъ Гавріило-Архангельской церкви, при почтамтѣ, наконецъ, настоятелемъ Покровскаго, Василія Блаженнаго, собора (1873—1890 гг.). Оставилъ автобіографическія записки до времени ученія въ Академіи и «Дневникъ» съ 1841 года по 1863, и далѣе съ 1866 г. по 1890 г. Здѣсь предлагаются выдержки изъ «Записокъ», касающіяся, главнымъ образомъ, Московской Духовной Академіи, отчасти же лицъ и обстоятельствъ, имѣющихъ къ ней какое-либо отношеніе. Выдержки доставлены сыномъ покойнаго о. протоіерея, ст. сов. А. Н. Надеждинымъ.

А. Н.

..... По окончаніи [1]) частныхъ экзаменовъ во всѣхъ классахъ [2]) семинаріи составлены были списки учениковъ и назначенъ день для публичнаго экзамена. Публичный экзаменъ на этотъ разъ былъ у насъ довольно скромный: публики посторонней было мало и экзаменъ больше похожъ былъ на частный, потому что на немъ присутствовалъ преосвященный Евгеній [3]), который по Богословію немало предлагалъ экзаменующимся серьезныхъ вопросовъ. Въ слѣдующій день, по обычаю, было совершено въ семинарской церкви молебствіе, затѣмъ всѣ ученики собрались въ залу, куда вскорѣ пришли ректоръ [4])

---

[1]) Въ 1832 году.

[2]) Рязанской.

[3]) Евгеній Казанцевъ, учился въ Троицкой семинаріи съ 1791 г., съ 1831 г. по 1837 занималъ архіепископскую каѳедру въ Рязани; въ 1837 г.—архіепископъ Ярославскій; въ 1854 г. уволенъ на покой съ управленіемъ Московскимъ Донскимъ монастыремъ, гдѣ и скончался въ 1871 году.

[4]) Архим. Ѳеодотій Озеровъ, изъ магистровъ Петербургск. Академіи, впослѣдствіи епископъ Симбирскій.

инспекторъ [1]) и профессора [2]). Началось чтеніе списковъ учениковъ богословіи, философіи и риторики, или иначе высшаго, средняго и низшаго отдѣленій. Читалъ секретарь семинарскаго правленія. О богословахъ онъ провозгласилъ: ученики, окончившіе курсъ въ семинаріи, перваго разряда: Дмитрій Гусевъ, Василій Аманскій, Николай Надеждинъ, Семенъ Орловъ и т. д. Перечисливъ всѣхъ перворазрядныхъ, онъ присовокупилъ: «всѣ сіи ученики, на основаніи такого-то параграфа такого-то устава, возводятся на степень студента и получаютъ право на чинъ XIV класса при поступленіи на гражданскую службу»...

Такимъ образомъ кончилось мое ученье въ семинаріи. Вмѣсто радостнаго чувства, съ какимъ обыкновенно въ прежнее время выходилъ я въ день роспуска изъ семинарскаго корпуса, теперь чувствовалъ я въ душѣ своей какую-то неопредѣленную тоску. Съ одной стороны, мнѣ было пріятно сознавать, что вотъ теперь я уже не мальчикъ, не ученикъ, а студентъ, и притомъ чиновникъ XIV класса, а съ другой—въ то же время какъ-то и жаль стало семинарію, и досадно, что я уже оторванъ отъ нея и ни къ чему еще не прилѣпленъ, такъ сказать; мнѣ казалось, какъ будто я потерялъ что-то или лишился чего-то. «Что я такое теперь?» думалось мнѣ, когда я шелъ въ свою квартиру. «Кончившій курсъ семинаріи», — отвѣчалъ я самъ себѣ;—«но куда же мнѣ теперь дѣваться? Въ Духовную ли Академію итти, какъ положилъ о. ректоръ, или махнуть въ Медико-Хирургическую, гдѣ, подъ руководствомъ дядюшки [3]) и на его содержаніи, кажется, мое положеніе недурно

---

[1]) Прот. Ильдомскій.

[2]) Въ числѣ наставниковъ о. Надеждина въ Рязанской семинаріи нѣкоторое время (1824—1826 гг.) былъ магистръ IV курса (1820—1824 гг.) Московск. Дух. Академіи Николай Ивановичъ Надеждинъ (род. 1804 г.), извѣстный ученый и публицистъ, редакторъ-издатель «Телескопа», помѣстившій въ этомъ журналѣ (въ 1836 г.) «Философическія письма» Чаадаева и за это сосланный въ Устьсысольскъ; ум. въ 1856 г. О немъ въ «Запискахъ» имѣется слѣдующій отзывъ: «При раздѣленіи новопринятыхъ учениковъ (въ семинарію) я попалъ въ «первую риторику», гдѣ профессоромъ риторики былъ мой соименникъ и софамилецъ Николай Ивановичъ Надеждинъ, по фамиліи котораго я названъ Надеждинымъ (при поступленіи въ Скопинское духовное училище), чему я очень былъ радъ, такъ какъ Надеждинъ имѣлъ въ семинаріи высокій авторитетъ. Но мнѣ неизвѣстно еще было, что Надеждинъ выходитъ изъ нашей семинаріи, и онъ скоро, дѣйствительно, ушелъ отъ насъ въ Москву; однако мы немного успѣли поучиться у него, или точнѣе — послушать его красныхъ рѣчей. Раза три или четыре былъ онъ у насъ въ классѣ и говорилъ безъ-умолку. Мы слушали его, разинувъ ротъ, но не знаю, многіе ли изъ насъ его понимали; по крайней мѣрѣ, я плохо понималъ, частью потому, что онъ говорилъ очень скоро, а больше потому, что употреблялъ незнакомые для насъ обороты рѣчи и термины. Впрочемъ, главная мысль, развитая имъ на первой лекціи, понята была мною и до сихъ поръ сохранена въ памяти. Онъ говорилъ, что человѣкъ прежде всего заботится о необходимомъ, потомъ полезномъ, наконецъ, ищетъ красиваго или изящнаго. Потомъ примѣнилъ это къ языку, который, по его мнѣнію, первоначально состоитъ только изъ словъ, требуемыхъ необходимостью, потомъ обогащается словами, относящимися къ разнымъ предметамъ, полезнымъ для человѣка, наконецъ, въ немъ являются слова и обороты, составляющіе красоту рѣчи и изящество».

[3]) О немъ ниже.

будетъ, или въ Университетъ не лучше ли, или, наконецъ, пойти года на два въ учителя какого-нибудь духовнаго училища? На всѣ эти вопросы я ничего не могъ самъ себѣ отвѣтить. Во все время, пока шли у насъ экзамены, о. ректоръ ни разу не призывалъ меня къ себѣ, и я не зналъ навѣрно, пошлетъ ли онъ меня въ Академію или нѣтъ. Онъ съ своей стороны рѣшился уже отправить меня въ Академію на свой счетъ, но мнѣ этого не успѣлъ еще высказать. Когда пришелъ домой, я увидѣлъ, что и Семенъ Орловъ [1]) ходитъ по комнатѣ тоже довольно мрачный, вѣроятно, отъ подобныхъ же мыслей; но прочіе суетились, собираясь немедленно итти или ѣхать, кому куда слѣдовало, и, кажется, въ тотъ же день всѣ разбрелись. Но мы съ Семеномъ остались, потому что надобно же намъ было на что-нибудь окончательно рѣшиться; впрочемъ, прежде всего пообѣдали, потомъ легли спать. Вставши, оба мы молчали, какъ будто были сердиты другъ на друга, но насъ такъ давили наши собственныя размышленія, что говорить вовсе не было охоты. Подождя немного, я отправился въ Семинарію, узнать, что тамъ дѣлается, и, главное, что мнѣ самому теперь дѣлать,—домой ли ѣхать, ждать ли чего-нибудь. Семинарію я нашелъ почти совсѣмъ пустою; всѣ, жившіе въ ней ученики, за исключеніемъ немногихъ, больныхъ или чего-нибудь дожидавшихся, поспѣшили изъ нея выбраться. О. ректора, отъ котораго желалъ услышать что-нибудь, я не засталъ дома. Поэтому пошелъ въ раздумьѣ домой. Но, проходя дворомъ, увидѣлъ подъѣхавшую къ воротамъ семинарскимъ коляску, изъ которой вышли ректоръ и инспекторъ, ѣздившіе, кажется, къ архіерею. Встрѣтивъ меня у воротъ, о. ректоръ довольно весело, но съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ: «А, Николай! Что ты тутъ дѣлаешь?»—«Да, вотъ, пришелъ узнать что-нибудь насчетъ себя».—«Что же именно тебѣ нужно знать?»—«Да я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать,—ѣхать ли домой или дожидаться чего-нибудь здѣсь». Посмотрѣвъ на меня пристально и подумавъ немного, о. ректоръ спросилъ: «Да ты въ Академію хочешь или нѣтъ?»—«Я не знаю, какъ отвѣчать на это. Вашему Высокопреподобію извѣстно, что я не прочь бы отъ Академіи, но вѣдь въ нее требуется только двое, слѣдовательно, посланы будутъ Гусевъ и Аманскій».—«Но вѣдь я тебѣ уже говорилъ, что можно поступить въ Академію и не по требованію, а добровольно, на собственный только счетъ, а не на казенный».—«Да это именно меня и затрудняетъ, что надобно ѣхать на собственный счетъ»,—возразилъ я;—«у меня, т.-е. у родителей моихъ, средствъ для этого нѣтъ».—«Ну, Богъ милостивъ, средства-то мы най-

---

[1]) Упомянутый выше товарищъ Н. И. Надеждина.

демъ. Вѣдь куда жъ тебѣ теперь, коль не въ Академію? Ужели жениться, да въ сельскіе попы итти? Можно, пожалуй, въ учители тебя опредѣлить, но что и въ этомъ толку? Вѣдь ты и для учительства-то еще очень молодъ (мнѣ было тогда 19 лѣтъ отроду); тебя, пожалуй, ребятишки будутъ обижать; а потомъ изъ учителей-то куда? Опять либо во священники, либо въ Академію. Но во священники, я знаю, ты не пойдешь; а для Академіи годы твоего учительства будутъ годами потерянными; ужъ если учиться въ Академіи, то сейчасъ, прямо изъ-за парты семинарской, гораздо лучше и надежнѣе, чѣмъ черезъ годъ или два». Слушавъ эти слова о. ректора, я вполнѣ былъ съ нимъ согласенъ и видѣлъ въ нихъ его искреннее, отеческое ко мнѣ расположеніе. «Ступай-ка ты теперь домой, къ своимъ родителямъ»,—прибавилъ о. ректоръ,—«прими отъ нихъ благословеніе, и въ началѣ августа пріѣзжай сюда; тогда мы устроимъ все, что надо; вмѣстѣ, Богъ дастъ, съ Аманскимъ и Гусевымъ и отправишься въ Сергіеву лавру. Прощай, Богъ тебя благословитъ», заключилъ онъ, благословляя меня. Принявъ отъ него благословеніе, я совершенно успокоенный и довольный возвратился къ себѣ въ квартиру.

Семенъ дожидался меня, желая узнать о послѣдствіяхъ моего хожденія въ семинарію. Я разсказалъ ему, что слышалъ отъ о. ректора. Выслушавъ меня, онъ сказалъ: «И я ѣду въ Академію». Въ слѣдующій день оба мы уѣхали изъ Рязани: онъ въ свое село Канино, а я въ Дымово.

Прибывъ въ концѣ уже іюля къ своимъ родителямъ въ село Дымово, я объявилъ имъ, что ученье мое въ семинаріи кончилось, но предстоитъ еще новое ученье въ Академіи. Это извѣстіе не столько обрадовало ихъ, сколько огорчило. Оба они, батюшка и матушка, пріуныли. Они понимали, хоть и не очень ясно, что учиться въ Академіи дѣло не дурное; но для нихъ-то, собственно, въ этомъ ничего утѣшительнаго не представлялось. Для нихъ гораздо пріятнѣе было бы, если бы я поскорѣе,—хоть не сейчасъ, а, примѣрно, черезъ полгода, даже и черезъ годъ, женился и вышелъ на хорошее мѣсто во священники; они, во-первыхъ, попировали бы у меня на свадьбѣ, потомъ стали бы ѣздить ко мнѣ въ гости, стали бы любоваться на мое житье съ молодою женою и пр.; разсчитывали, безъ сомнѣнія, и на ту помощь, которую, въ случаѣ нужды, могли бы получить отъ меня. А теперь приходилось отпустить меня на четыре года въ неизвѣстное для нихъ мѣсто и въ это время не только отъ меня не получать помощи, но еще и мнѣ опять помогать въ содержаніи! Да и черезъ четыре-то года неизвѣстно, что будетъ со мною и что съ ними! Еще доживутъ ли они до тѣхъ поръ и дождутся ли, когда я выйду изъ Академіи! Особенно матушка, какъ будто по предчувствію, съ

грустью высказывала эту послѣднюю мысль; и дѣйствительно, она не дождалась меня по окончаніи мною академическаго курса: вмѣсто радостнаго свиданья съ нею мнѣ пришлось быть только на поминкахъ у нея въ сороковой день по ея смерти. Грустно было и мнѣ самому разставаться, если не навсегда, то надолго съ родителями и съ родиной; я сознавалъ, что изъ Троицкой лавры, въ которой находится Академія, домой ѣздить едва ли мнѣ удастся, потому что на эти поѣздки средствъ не предвидѣлось. Съ другой стороны, и учиться-то еще четыре года не чувствовалъ я большой охоты. Но ужъ что было рѣшено, отъ того теперь отступаться представлялось невозможнымъ: надо было собираться въ путь. Такимъ образомъ, пробывъ съ недѣлю въ домѣ родительскомъ, я счелъ за нужное, не медля долѣе, отправиться въ Рязань, потому что о. ректоръ приказалъ мнѣ пріѣхать въ началѣ августа, чтобы приготовиться къ отъѣзду въ Академію, вмѣстѣ съ прочими товарищами, который назначался около 15-го августа. Не помню, какъ я прощался съ родителями, вѣроятно, были при этомъ слезы и съ ихъ стороны и съ моей, плакали, вѣроятно, и сестры, но у меня рѣшительно ничего не осталось объ этомъ въ памяти; равно не помню и того, былъ ли кто-нибудь изъ родныхъ при провожаніи меня. Помню я лишь то, что батюшка далъ мнѣ лошадь съ простою телѣгою и, конечно, съ кучеромъ до Рязани, также и съ запасомъ корма для лошади, а денегъ ни копейки не далъ, потому что и не имѣлъ ихъ, кажется, въ это время, и я самъ, зная его нужды, не желалъ теперь взять ихъ отъ него, а равно и на будущее время, пока буду учиться въ Академіи, далъ обѣщаніе не обращаться къ нему съ просьбою о деньгахъ, и это обѣщаніе я въ точности исполнилъ. На что жъ, однако, я надѣялся, рѣшаясь ѣхать въ Академію безъ копейки денегъ? У меня была надежда: во-первыхъ, на о. ректора, который далъ уже слово отправить меня въ Академію, слѣдовательно, дастъ и средства для этого; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, на дядюшку Андрея Алексѣевича [1]), бывшаго въ это время прозекторомъ при Медико-Хирургической Академіи и имѣвшаго при ней казенную квартиру; онъ также далъ слово содержать меня у себя, если поступлю въ Медико-Хирургическую Академію, слѣдовательно, не откажется, думалось мнѣ, давать мнѣ нѣкоторое пособіе, если поступлю и въ Духовную Академію; между тѣмъ я слышалъ уже отъ о. ректора, что въ Духовной Академіи, если только буду принятъ въ нее, я буду пользоваться полнымъ содержаніемъ отъ Академіи.

Простившись съ родителями, я отправился (помнится 1-го августа) въ Рязань. Здѣсь прежде всего явился къ о. ректору;

---

[1]) Боголюбовъ.

онъ принялъ меня очень ласково. Увидавъ, что на мнѣ сюртукъ былъ уже поношенный, притомъ же довольно короткій, онъ спросилъ: «У тебя нѣтъ лучше этого сюртука-то?» Я сказалъ: «Нѣтъ».—«Какъ же быть? Вѣдь въ этомъ явиться въ Академію нехорошо. Ступай-ка къ портному, который шилъ сюртуки Гусеву и Аманскому, и скажи, чтобъ тебѣ онъ сдѣлалъ немедленно точно такой же». Я сейчасъ же отправился къ портному, передалъ ему приказаніе о. ректора и черезъ два дня сюртукъ былъ мнѣ готовъ, а деньги за него отданы, разумѣется, о. ректоромъ. Прочія принадлежности костюма у меня были довольно сносны.

У о. ректора встрѣтилъ я студента М. Д. Академіи, два года уже въ ней проучившагося, Михаила Васильевича Протасова, родомъ изъ Оренбургской губерніи, который о. ректоромъ, когда онъ былъ въ Уфѣ [1]), посланъ былъ въ Академію. По приглашенію о. ректора онъ, этотъ студентъ, пріѣхалъ къ нему недѣли на двѣ, а теперь вмѣстѣ съ нами собирался отправляться въ Троицкую лавру. О. ректоръ мнѣ объявилъ, что я съ нимъ именно поѣду. Гусевъ, Аманскій и Семенъ Орловъ были уже въ Рязани и мы всѣ четверо готовились къ отъѣзду, который о. ректоромъ назначенъ былъ на 13-е августа. За день или за два передъ отъѣздомъ двое мы съ Гусевымъ ходили къ инспектору Ильдомскому прощаться, такъ какъ онъ самъ пригласилъ насъ, въ знакъ особеннаго, конечно, къ намъ расположенія. Я при этомъ случаѣ разсчитывалъ получить отъ него нѣсколько деньжонокъ на томъ основаніи, что еще въ день общаго роспуска передъ вакаціей, когда оба они съ ректоромъ, встрѣтивъ меня на семинарскомъ дворѣ, стали убѣждать итти въ Д. Академію, онъ обѣщалъ мнѣ съ своей стороны нѣкоторую помощь; не знаю, обѣщалъ-ли онъ что-нибудь Гусеву; потому я ожидалъ получить отъ него теперь эту помощь въ видѣ, по крайней мѣрѣ, хоть «синенькой бумажки», которая стоила тогда пять рублей съ чѣмъ-то ходячею монетою. Но мое ожиданіе обмануло меня. Предложивъ намъ по чашкѣ чаю, при чемъ сказалъ, вѣроятно, нѣсколько назидательныхъ для насъ словъ, о. инспекторъ сталъ съ нами прощаться; благословивъ каждаго изъ насъ и поцѣловавшись съ обоими, онъ всунулъ что-то въ руку Гусеву и, взглянувъ на него и на меня, сказалъ: «вотъ вамъ отъ меня на дорогу». Когда мы вышли отъ него на улицу, Гусевъ посмотрѣлъ самъ и показалъ мнѣ, что дано: оказалось, что это былъ *талеръ*, т.-е. серебряная монета цѣною, кажется, въ четыре рубля съ полтиною по тогдашнему курсу, слѣдовательно, на долю каждаго изъ насъ приходилось по *полтиннику* съ чѣмъ-то. «Ну, наградилъ же!» сказалъ Гусевъ и засмѣялся. Я ничего не сказалъ, но тоже засмѣялся.

---

1) Ректоромъ до перевода въ Рязанскую семинарію.

13-го числа августа 1832 года отправились мы въ путь въ двухъ кибиткахъ съ рогожными крышками, на двухъ тройкахъ. Извозчики наши наняты были до Москвы, но за какую цѣну.—не помню. Деньги на наемъ лошадей и на всѣ путевыя издержки до самой лавры, какъ для меня, такъ и для Протасова, даны были о. ректоромъ ему въ руки, такъ что я во всю дорогу нигдѣ ни за что не платилъ и не знаю, сколько на меня истрачено въ это время, но самъ я ни на что не истратилъ ни копейки по той простой причинѣ, что денегъ и не было ни копейки, за исключеніемъ инспекторскаго полтинника, котораго,впрочемъ, я еще и не получилъ тогда съ Гусева. Такимъ образомъ я въ собственномъ и буквальномъ смыслѣ ѣхалъ въ Академію и доѣхалъ безъ копейки.

Выѣхали мы изъ Рязани,—очень хорошо это помню,— въ субботу вечеромъ, часу въ седьмомъ, когда начался во всѣхъ рязанскихъ церквахъ благовѣстъ ко всенощной. Выѣздъ былъ изъ Спасскаго монастыря, въ которомъ жилъ о. ректоръ. Онъ благословилъ каждаго изъ насъ, простился со всѣми, особенно со мною, по-отечески. «Ну. прощай, Николаюшка», сказалъ онъ мнѣ, поцѣловавъ меня, при чемъ поручилъ меня особенному попеченію и руководству М. В. Протасова, какъ бы дядьки или гувернера; съ нимъ послалъ также письмо къ о. ректору Академіи Поликарпу [1]), съ которымъ онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ [2]). . . . . .

. . . . . .

Пробывъ въ Москвѣ ровно сутки, мы отправились въ свой путь часу въ пятомъ пополудни на двухъ парахъ, въ двухъ телѣгахъ съ кибитками.

---

[1]) Архимандритъ Поликарпъ, 4-й ректоръ М. Д. Академіи со времени ея основанія, въ мірѣ Петръ Гайтанниковъ, род. въ 1787 г.; образованіе получилъ въ Тверской семинаріи и Петербургской Дух. Академіи; по окончаніи въ 1814 г. курса (I) со степенью магистра былъ назначенъ профессоромъ философіи, инспекторомъ Петерб. семинаріи и ректоромъ существовавшаго при ней уѣзднаго училища. Въ 1819 году былъ сдѣланъ ректоромъ этой же семинаріи. и въ 1821 г. избранъ былъ членомъ Россійской Академіи; въ 1822 году получилъ степень доктора богословія за основательное знаніе богословскихъ предметовъ и за труды по переводу святоотеческихъ твореній. Съ 4 ноября 1824 г. былъ ректоромъ Моск. Дух. Академіи и настоятелемъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Читалъ лекціи по догматическому нравственному и полемическому богословію. Имѣлъ столкновеніе съ Московск. митрополитомъ Филаретомъ, который относился къ нему, какъ назначенному противъ воли Владыки и дѣлавшему отступленія отъ монашескаго образа жизни, непріязненно. Послѣдствіемъ такихъ отношеній было увольненіе архим. Поликарпа въ 1835 г. отъ должности ректора академіи съ оставленіемъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Отъ Поликарпа остались: «Бесѣды и слова». М. 1835 г. «Переводы съ греч. яз. на русскій» (Посланіе св. Поликарпа Смирнскаго къ Филиппійцамъ, Окружное посланіе Смирнской церкви о мученичествѣ св. Поликарпа. шесть бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго и слово св. Григорія Богослова на Пасху). М. 1835 г. «Chrestomatia Latina». М. 1827 г.; 2-е изд. М. 1835 г.—руководство для нижшихъ духовныхъ училищъ. Умеръ въ 1837 году въ Новоспасскомъ монастырѣ. См. Біографическій словарь 1905 г., стр. 353—354. Изъ помѣщаемаго въ настоящемъ сборникѣ письма проф. И. Платонова къ С. К. Смирнову видно, какимъ характеромъ сопровождались отношенія митр. Филарета къ ректору Поликарпу. Ср. исторія М. Д. Академіи *С. Смирнова*. М. 1879; стр. 82—88; 205 и слѣд.

[2]) Опускается описаніе дороги до Москвы и однодневной остановки въ Москвѣ.

Извозчики наши были довольно плохи, т.-е. плохи лошади и повозки, но ѣхали мы довольно скоро, такъ что, несмотря на поздній выѣздъ изъ Москвы, мы пріѣхали еще засвѣтло ночевать въ Братовщину; а эта скорая ѣзда зависѣла отъ того, что оба наши возницы, жители Сергіева посада, и, повидимому, пріятели между собою, не опускали рѣшительно ни одного кабака по дорогѣ, но въ каждомъ селѣ и деревнѣ, которыхъ на Троицкой дорогѣ немало, непремѣнно останавливались у «казеннаго питейнаго дома» и заходили въ него, потомъ, по выходѣ оттуда, садились на свои мѣста и начинали весьма усердно погонять своихъ лошаденокъ, которыя, конечно, должны были бѣжать вслѣдствіе сего, какъ только могли. Впрочемъ, и погода была хорошая и дорога удобная. Эта Троицкая дорога мнѣ очень понравилась, во-первыхъ, тѣмъ, что на ней, начиная отъ заставы, шли по обѣ стороны проспекты, обсаженные двумя рядами березокъ, а на проспектахъ немало было пѣшеходовъ, идущихъ и туда и сюда; немало также было и проѣзжающихъ по дорогѣ; во-вторыхъ, тѣмъ, что села и деревни были частыя и притомъ хорошо обстроенныя, особенно Мытищи, Пушкино и Братовщина. Встрѣчались хорошія селенія и по Рязанской дорогѣ, но такихъ большихъ и красивыхъ домовъ, какіе здѣсь увидѣлъ я, и особенно въ такомъ количествѣ, тамъ не встрѣчалось. Но не понравились мнѣ крытые сплошь дворы при домахъ, которые въ первый только разъ увидалъ я, такъ какъ по Рязанской дорогѣ нигдѣ такихъ не было и въ Рязанской губерніи, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ такіе не дѣлаются. Они, правда, имѣютъ то удобство, что всегда сухи, такъ какъ крыша защищаетъ ихъ и отъ дождя и отъ снѣга, но зато воздухъ въ нихъ гораздо хуже, чѣмъ въ открытыхъ, а притомъ, въ случаѣ пожара, они представляютъ больше опасности, чѣмъ открытые, наконецъ, и просто они непріятны, разумѣется, для непривычнаго человѣка и наводятъ на него какой-то невольный страхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, я по себѣ сужу. Я сказалъ уже, что ночевать 17-го числа[1]) пріѣхали мы въ Братовщину, т.-е. сдѣлали отъ Москвы слишкомъ 30 верстъ. Остановились на одномъ изъ лучшихъ постоялыхъ дворовъ. Комнаты отведены были намъ хорошія, во второмъ этажѣ дома. Разумѣется, прежде всего, по обычаю, принялись мы за чаепитіе, а потомъ, погодя немного, за ужинъ, предваривъ его, также по обычаю, извѣстнымъ пріемомъ водки. Должно признаться, что всѣ мы четверо (т.-е. Гусевъ, Аманскій, Орловъ и я) хоть въ Рязани уже позволяли себѣ иногда пить водку и даже напиваться, но это бывало очень рѣдко, а теперь во всю дорогу, начиная отъ Рязани, считали для себя даже какъ бы обязанностью непремѣнно на каждомъ постояломъ

[1]) Августа.

дворѣ выпивать по стакану и по два, передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ. Однако теперь, находясь на послѣдней уже станціи предъ Сергіевымъ посадомъ, мы сознавали, что завтра въ Академію должно явиться намъ вполнѣ приличными и благообразными, потому, хотя и выпили передъ ужиномъ, но съ «воздержаніемъ».

Здѣсь, еще до ужина, замѣтили мы, что въ сосѣдней съ нашею комнатѣ находятся постояльцы; прислушиваясь невольно къ ихъ разговорамъ, мы скоро пришли къ заключенію, что это подобные намъ семинаристики, пробирающіеся также въ Академію. Не знаю, изъ насъ ли кто первый вошелъ къ нимъ или изъ нихъ къ намъ, только очень скоро мы познакомились между собою и объяснились. Оказалось, что это воспитанники Пензенской и Саратовской семинарій, ѣдущіе въ Академію, двое изъ Пензенской и двое изъ Саратовской. Начались взаимные разспросы и разсказы, которые потомъ продолжались во все остальное время, и до ужина и послѣ ужина, до тѣхъ поръ, пока «морфей» закрылъ каждому изъ насъ «очи». Утромъ 18-го числа всѣ мы вмѣстѣ встали довольно рано и вмѣстѣ отправились въ посадъ, или точнѣе въ Троицкую лавру, куда и прибыли благополучно, кажется, часовъ въ девять дня. Но, не доѣзжая еще до лавры версты три или четыре, мы увидѣли ее съ горы, не всю, а только часть ея, именно колокольню и нѣкоторыя башни; при этомъ взглядѣ на нее сердце у меня «ёкнуло» и невольный вздохъ вырвался изъ груди. «Четыре года надобно здѣсь жить»,— подумалъ я;—«не малое время! Да еще, Богъ знаетъ, примутъ ли меня въ Академію... А если не примутъ, куда дѣваться? Денегъ у меня нѣтъ ни гроша; даже до Москвы и доѣхать не съ чѣмъ. А въ Москвѣ дяди нѣтъ теперь; къ кому обратиться?»

Пока я такъ размышлялъ, мы спустились подъ гору, и лавра скрылась изъ глазъ. Но черезъ нѣсколько минутъ снова открылась, и уже вполнѣ и во всей красотѣ; вмѣстѣ съ лаврою открывался постепенно и самый посадъ, по той мѣрѣ, какъ мы ближе подъѣзжали.

Посадъ оказался много лучше, нежели какимъ я его воображалъ. Я представлялъ его себѣ и не такимъ большимъ, и не такимъ хорошимъ, какимъ увидѣлъ. Оказалось, что это чисто городъ, да и хорошій городъ, не только по множеству домовъ, но и по расположенію ихъ, и по немалому числу домовъ каменныхъ, и по числу церквей, которыхъ насчиталъ я, кромѣ лаврскихъ, до семи. Еще болѣе поразила меня своею красотою и величіемъ сама лавра съ ея высокими стѣнами, съ ея многочисленными церквами и другими зданіями, особенно же ея красавица колокольня. До сихъ поръ я ничего подобнаго не видалъ. Мнѣ были извѣстны только нѣкоторые рязанскіе монастыри, маленькіе и бѣдные, по нимъ судилъ я и

объ лаврѣ, предполагая, что и она, конечно, больше и богаче ихъ, но все же похожа на нихъ; но теперь оказалась между ними разность, какъ между небомъ и землею. Наконецъ и сама Академія, когда я при входѣ на дворъ лавры въ первый разъ увидалъ её—разумѣю главный корпусъ Академіи—своею наружностью мнѣ понравилась. Такимъ образомъ первое впечатлѣніе на меня Академіи, лавры и посада было довольно пріятное.

Подъѣхавши къ первому академическому корпусу, въ которомъ, какъ сказалъ намъ спутникъ нашъ Протасовъ, живутъ обыкновенно младшіе студенты, слѣдовательно, и намъ должно будетъ жить, мы остановились, не зная, куда именно намъ помѣститься; а Протасовъ вышелъ изъ кибитки и пошелъ справляться, но замѣшкался почему-то и долго къ намъ не возвращался, между тѣмъ Семенъ Орловъ успѣлъ черезъ служителя дать знать старшему студенту, общему нашему земляку, Родіону Тимоѳеевичу Путятину, который вскорѣ выбѣжалъ къ намъ и, поцѣловавшись съ каждымъ изъ насъ, повелъ всѣхъ въ одинъ изъ номеровъ студенческихъ, въ которомъ находились нѣсколько, кажется трое, студентовъ старшаго курса, т.-е. проучившихся уже два года въ Академіи. Путятинъ отрекомендовалъ насъ имъ, сказавъ: «Рязанскіе студенты». При чемъ мы имъ поклонились, и они, взглянувъ на насъ, отвѣтили намъ легкимъ поклономъ, и только; но никто не подошелъ къ намъ, не спросилъ ни о чемъ, не сказалъ ни слова, а каждый продолжалъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимался до нашего прибытія: одинъ рылся въ сундукѣ своемъ, другой сидѣлъ около стола, третій, кажется, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Этотъ сухой и холодный пріемъ совершенно былъ противоположенъ съ тѣмъ, который мы встрѣтили въ Москвѣ со стороны студентовъ Медико-Хирургической Академіи, потому произвелъ на меня тягостное впечатлѣніе. Притомъ же и самый номеръ мнѣ показался непривлекательнымъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что въ немъ все было въ безпорядкѣ: сундуки, табуретки, койки стояли какъ попало; а этому причиною было то, какъ послѣ уже я узналъ, что студенты-то сами только вступали на жительство въ этотъ номеръ и не успѣли еще расположиться, какъ слѣдуетъ. Тутъ мы недолго, однакожъ, были: возвратился Протасовъ и объявилъ намъ, во-первыхъ, что намъ назначено помѣститься въ 13-мъ или 14-мъ номерѣ, въ новомъ корпусѣ; во-вторыхъ, что намъ сейчасъ должно итти въ залу, гдѣ назначенъ въ 11-ть часовъ экзаменъ для всѣхъ новоприбывшихъ студентовъ по греческому языку. Услышавъ это, мы немедленно отправились въ назначенный намъ номеръ, переодѣлись изъ дорожнаго платья въ суконные сюртуки и пошли въ указанную намъ залу. Оказалось, что экзаменъ уже начался; поэтому мы вошли въ

залу потихоньку не главною дверью, а заднею; войдя, каждый изъ насъ поспѣшилъ сѣсть, гдѣ пришлось, тутъ же около двери. Я присѣлъ на концѣ скамьи, ближайшей къ двери, и сталъ разсматривать все здѣсь находившееся: за партами сидѣло человѣкъ до пятидесяти вновь прибывшихъ въ Академію студентовъ; а вдали, въ переднемъ углу залы, за большимъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣло академическое начальство, какъ то: ректоръ — архимандритъ Поликарпъ, инспекторъ—архим. Платонъ[1]), профессоръ философіи—протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій и еще нѣкоторые, но кто именно, не помню. Передъ ними стояли два либо три студента съ книгами въ рукахъ и потихоньку переводили съ греческаго на русскій языкъ, что именно переводили—я узналъ отъ сидящаго тутъ, около меня, Владимірской семинаріи студента, у котораго въ рукахъ была книга, изъ которой экзаменовали, именно: огласительное слово Кирилла Іерусалимскаго, которое переводилось у насъ въ Рязани и мнѣ было довольно знакомо. Узнавъ это, я пріободрился. А этотъ владимірецъ, у котораго была книга въ рукахъ, примѣтно очень трусилъ и кое-что относительно перевода меня спрашивалъ. Мнѣ приходило на мысль, что, можетъ-быть, насъ, рязанцевъ, теперь и не спросятъ, такъ какъ мы только что прибыли и потому едва ли записаны еще въ общій списокъ; однакожъ оказалось, что записаны, потому что отношеніе Рязанскаго семинарскаго правленія объ насъ, вмѣстѣ съ нашими аттестатами, пришло въ правленіе Академіи гораздо ранѣе нашего въ нее прибытія, почему мы и внесены уже были въ общій списокъ. Впрочемъ, до насъ дѣло дошло не очень скоро. Прислушиваясь къ тому, какъ вызывалъ о. ректоръ студентовъ и какъ обращался къ нимъ, я съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ къ фамиліи каждаго прибавлялъ слово: *господинъ*, каждому говорилъ *Вы*, что для насъ было ново, ибо въ семинаріи всѣхъ *тыкали*, а *господиномъ* если нѣкоторые изъ наставниковъ и называли богослововъ, то ни ректоръ, ни инспекторъ ни въ какомъ случаѣ не удостоивали никого этимъ названіемъ. Правда, ректоръ Арсеній [2]) иногда прибавлялъ это слово, но скорѣе въ насмѣшку, чѣмъ «взаправду» и какъ будто по ошибкѣ, потому что нерѣдко, назвавъ кого-нибудь *господиномъ*, прибавлялъ «на колѣни».

Пока до меня не дошла очередь экзаменоваться, я, присматриваясь къ студентамъ, замѣтилъ между ними сидящихъ четверыхъ монаховъ, изъ которыхъ двое были уже почтенныхъ лѣтъ, съ широкими бородами, и подумалъ про себя: «Ну, съ этакими мужами состязаться намъ, молококосамъ, трудно

---

[1]) Казанскій.

[2]) Московскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій; былъ ректоромъ Рязанской семинаріи съ 1829 г. по 1831.

будетъ; хорошо, что ихъ, по крайней мѣрѣ, немного». Однакожъ, какъ послѣ оказалось, я ошибся въ своемъ предположеніи. Изъ этихъ «мужей» по окончаніи всѣхъ экзаменовъ только одинъ іеромонахъ Василій Кашеляевскій изъ Тамбовской епархіи [1]), бывшій нѣсколько лѣтъ учителемъ въ духовномъ училищѣ, принятъ былъ въ Академію, и то, благодаря лишь тому обстоятельству, что онъ былъ братъ двоюродный Филарету Гумилевскому, бывшему въ это время баккалавромъ въ Академіи, а впослѣдствіи извѣстнымъ архіепископомъ Черниговскимъ; а прочіе трое, два іеромонаха и одинъ іеродіаконъ, должны были возвратиться во-свояси, вслѣдствіе неудачнаго экзамена. Наконецъ вызванъ былъ я къ столу, прочиталъ, что было указано, по греческой книгѣ, перевелъ нѣсколько строкъ, кажется, безъ ошибки, потомъ возвратился на свое мѣсто съ пріятнымъ сознаніемъ, что на первый разъ отвѣтилъ недурно. Вотъ что значитъ хорошее основаніе, положенное въ училищѣ! Въ семинаріи я почти не занимался греческимъ языкомъ, особенно въ философскомъ и богословскомъ классахъ, но свѣдѣнія, хотя и небольшія, пріобрѣтенныя въ училищѣ, удержались въ моей памяти, такъ что и по поступленіи въ Академію я считался между товарищами не послѣднимъ знатокомъ греческаго языка. Такимъ образомъ первый мой экзаменъ прошелъ благополучно.

Въ слѣдующій день (это была пятница 19-го августа) было дано намъ въ Академіи одно общее предложеніе для сочиненія по философіи. Предложенія теперь не помню, но помню, что оно было на латинскомъ языкѣ; слѣдовательно, и сочиненіе было латинское. Я, по обыкновенію, написалъ свое сочиненіе очень скоро и подалъ чуть ли не ранѣе всѣхъ. Иные писали очень долго, почти цѣлый день; писали все въ номерахъ, а не въ классѣ. Не запрещено было пользоваться, кто чѣмъ могъ, по данному предложенію; я ничѣмъ не пользовался, писалъ просто, что зналъ и что могъ придумать, и написалъ меньше полулиста. На другой день чрезъ старшихъ студентовъ дошли къ намъ нѣкоторые слухи о качествѣ написанныхъ нами сочиненій, между прочимъ, мнѣ было сообщено, что мое сочиненіе изъ числа лучшихъ.

Въ субботу, 20-го августа, было опять сочиненіе по предмету богословія, помнится, «О жертвоприношеніи Іефѳая», на русскомъ языкѣ. Требовалось рѣшить, исполнилъ ли Іефѳай обѣтъ *буквально* и принесъ свою дочь въ жертву Богу, какъ приносились животныя, или въ томъ лишь смыслѣ совершено имъ жертвоприношеніе, что дочь его должна была на всю жизнь остаться въ дѣвствѣ и жить въ уединеніи. Мнѣнія были и pro и contra, и доказательства можно представлять въ пользу

[1]) Окончилъ курсъ магистромъ вмѣстѣ съ о. Надеждинымъ въ 1836 г.

того и другого. Я держался въ своемъ сочиненіи послѣдняго, прочитавши, впрочемъ, предварительно въ богословскомъ словарѣ Бержьера (Dictionnaire de Theologie par Bergier), который принесъ мнѣ землякъ, старшій студентъ Дмитрій Матвѣевичъ Некрасовъ, статью объ этомъ предметѣ на французскомъ языкѣ, который я хоть и очень слабо зналъ, но могъ нѣсколько понимать главнѣйшія, по крайней мѣрѣ, мысли и особенно указанія на разныя мѣста Св. Писанія, въ подтвержденіе доказываемаго мною мнѣнія. Это сочиненіе мое также оказалось удачнымъ, какъ меня извѣстилъ, кажется, тотъ же Дмитрій Матвѣевичъ.

Кстати здѣсь упомянуть надо о землякахъ нашихъ, т.-е. рязанцахъ, бывшихъ въ это время старшими студентами Академіи. Ихъ было трое: объ одномъ изъ нихъ, Родіонѣ Тимоѳеевичѣ Путятинѣ, я выше сказалъ, что онъ насъ встрѣтилъ при пріѣздѣ нашемъ въ Академію; второй, вотъ этотъ Дмитрій Матвѣевичъ Некрасовъ, о которомъ я сейчасъ упоминалъ; третій Яковъ Кондратьевичъ Преображенскій. Со всѣми прежде, т.-е. въ Рязани, я мало былъ знакомъ. Некрасова, правда, я зналъ издавна (такъ какъ онъ былъ изъ Скопинскаго училища, въ которомъ и я учился), равно и онъ меня, но въ семинаріи онъ жилъ «на казенномъ» и притомъ по большей части въ больницѣ находился, потому очень рѣдко случалось съ нимъ встрѣчаться. Путятина зналъ только потому, что до поступленія въ Академію онъ жилъ на одной квартирѣ съ моимъ товарищемъ Семеномъ Орловымъ, къ которому я изрѣдка хаживалъ, но близости между нами (т.-е. Путятинымъ и мною) не было; а Преображенскаго почти и совсѣмъ не зналъ въ семинаріи и видалъ рѣдко, такъ какъ онъ жилъ «на казенномъ» и держалъ себя совершеннымъ отшельникомъ, а говорить съ нимъ ни разу не приходилось. Теперь, однакожъ, всѣ они оказались очень радушными и благорасположенными ко мнѣ, а потомъ со всѣми ими здѣсь я уже совершенно сблизился. Къ удивленію, Преображенскій на первый разъ, повидимому, даже болѣе тѣхъ обоихъ выказывалъ мнѣ свое благорасположеніе тѣмъ, что, пока еще не началось у насъ ученье, онъ очень часто приходилъ въ нашъ номеръ и подолгу разговаривалъ со мною о разныхъ разностяхъ; нерѣдко потомъ и къ себѣ приглашалъ пить чай; отдалъ мнѣ много разныхъ тетрадокъ и лекцій. Однакожъ я къ нему, при всей благодарности за его ко мнѣ вниманіе, какъ-то мало чувствовалъ влеченія, чему причиною, кажется, было то, что у насъ съ нимъ много было разности въ характерахъ, во взглядахъ и вкусахъ; такъ, напр., онъ не пилъ водки, не курилъ табаку, а я былъ грѣшенъ и въ томъ и въ другомъ; онъ велъ жизнь степенную, пустыми разговорами не занимался, въ классъ ходилъ неопустительно, а я былъ лѣнивъ, разсѣянъ, склоненъ къ разнымъ шалостямъ. Онъ не

былъ человѣкомъ даровитымъ, но былъ весьма прилеженъ. Мы всѣ, вновь пріѣхавшіе рязанцы, очень удивлены были, когда узнали, что Яковъ Кондратьевичъ перешелъ изъ низшаго отдѣленія въ высшее, или, что то же, съ младшаго курса на старшій, *вторымъ* по списку студентомъ, между тѣмъ какъ въ Рязани объ немъ и не слышно было, тогда какъ Путятинъ и Некрасовъ считались людьми даровитыми и дѣйствительно были оба таковыми. Впрочемъ, и здѣсь, въ Академіи, Путятина и Некрасова товарищи ихъ ставили много выше Преображенскаго; несмотря на то, что онъ былъ *вторымъ*, всѣ считали это случайностью, какія нерѣдко бываютъ вездѣ. Главною причиною, почему онъ попалъ на второе мѣсто въ списокъ, поставляли то, что Ѳеодору Александровичу Голубинскому понравилось одно сочиненіе, написанное Преображенскимъ, потому онъ и записалъ его у себя вторымъ, а какъ Ѳеодоръ Александровичъ имѣлъ неоспоримый авторитетъ, то съ нимъ никто по этому случаю и не спорилъ. Но въ высшемъ отдѣленіи Преображенскій, хотя постоянно занимался по всѣмъ предметамъ, не только не удержалъ за собою второго мѣста, но и въ первомъ разрядѣ не удержался и кончилъ курсъ кандидатомъ, несмотря даже на то, что при окончаніи курса подалъ въ монахи[1]). По окончаніи курса онъ былъ назначенъ инспекторомъ Костромской семинаріи, гдѣ довольно скоро сдѣланъ архимандритомъ; но далѣе не пошелъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ, кажется, былъ уволенъ отъ семинаріи и остался просто настоятелемъ монастыря; въ этомъ положеніи и умеръ.

Что касается Род. Тим. Путятина, онъ и въ Рязанской семинаріи былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ учениковъ, и здѣсь въ Академіи постоянно былъ въ первомъ разрядѣ и кончилъ курсъ магистромъ; по окончаніи уже курса посланъ былъ въ Ярославскую семинарію профессоромъ, кажется, словесности, потомъ женился и вышелъ во священники и вскорѣ прославился своими поученіями, необыкновенно простыми и сердечными, которыя впослѣдствіи напечатаны и имѣли, кажется до 20-ти изданій; наконецъ, онъ опредѣленъ былъ соборнымъ протоіереемъ въ городъ Рыбинскъ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ и умеръ въ шестидесятыхъ годахъ. Человѣкъ былъ очень добрый, кроткій и благодушный, потому любимъ товарищами.

А Некрасовъ Дмитрій Матвѣевичъ по дарованіямъ былъ выше не только Преображенскаго, но и Путятина, и даже, можно сказать, однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ въ своемъ курсѣ, хотя по общему списку невысокое занималъ мѣсто и кончилъ курсъ кандидатомъ[2]). Причины этому заключались

---

[1]) Его монашеское имя Іоаннъ.
[2]) Въ разрядномъ спискѣ онъ занялъ 28-е мѣсто.

въ томъ, что, во-первыхъ, онъ и здѣсь, какъ въ семинаріи, постоянно почти былъ боленъ и большею частью жилъ въ больницѣ, хотя и не лежалъ въ постели; во-вторыхъ, когда и въ классъ являлся, лекцій не готовилъ; въ-третьихъ, и сочиненія писалъ рѣдко, многихъ не подавалъ совсѣмъ, зато тѣ, которыя были имъ поданы, были замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по изложенію; поэтому между товарищами пользовался онъ авторитетомъ умнаго и глубокомысленнаго студента и многіе дорожили его мнѣніемъ. Притомъ же онъ былъ отличный въ своемъ курсѣ математикъ и, если не ошибаюсь, занималъ *первое* по математикѣ мѣсто. По окончаніи курса, онъ назначенъ былъ преподавателемъ исторіи въ Воронежскую семинарію (хотя въ академіи исторіи не учился, что, впрочемъ, нерѣдко въ прежнее время бывало); оттуда, черезъ два года службы, по рекомендаціи Ѳеодора Александровича Голубинскаго, поступилъ онъ въ домашніе учители къ извѣстному въ то время богатому барину московскому Самарину [1]), отцу извѣстнаго Юрія Ѳеодоровича Самарина и его братьевъ, у котораго и прожилъ въ этой должности, кажется, ровно десять лѣтъ [2]).

Однакожъ я, заговорившись о землякахъ, слишкомъ далеко забѣжалъ впередъ и совсѣмъ уклонился отъ своей собственной исторіи. Возвращаюсь къ ней.

Послѣ письменныхъ упражненій, въ слѣдующіе дни были у насъ устные экзамены по философіи, по богословію и по церковной исторіи; какъ они производились, по билетамъ или безъ билетовъ, не помню, не помню и того, о чемъ меня спрашивали изъ богословія и философіи. но помнится, что отвѣты были довольно удовлетворительны. Что касается церковной исторіи, изъ нея экзаменъ остался у меня въ памяти. Экзаменовали два баккалавра—іеромонахъ Филаретъ Гумилевскій и Ѳеогностъ Лебедевъ [3]). Вопросъ предложенъ мнѣ былъ о Сампсонѣ, именно въ такой формѣ: «разскажите, что сдѣлалъ Сам-

---

[1]) Этотъ г. Самаринъ, какъ я впослѣдствіи узналъ отъ Некрасова, самъ былъ небольшого образованія, но замѣчателенъ тѣмъ, что старался дѣтямъ дать наилучшее образованіе и любилъ знакомиться съ людьми учеными. Такъ, былъ онъ знакомъ, между прочимъ, съ нашимъ Ѳ. А. Голубинскимъ, который иногда бывалъ у него въ домѣ. Тутъ бывали у него и университетскіе профессоры. Тутъ увидѣлъ Некрасовъ и Каткова, который незадолго передъ тѣмъ кончилъ курсъ въ университетѣ, чуть ли не вмѣстѣ съ Юріемъ Самаринымъ, по крайней мѣрѣ былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Не знаю, былъ ли онъ преподавателемъ чего-либо младшимъ братьямъ Юрія; но помню, что Некрасовъ отзывался съ особенною похвалою о его умѣ и говорилъ также, что «Катковъ очень умный малый». У этого же Самарина, еще задолго до Некрасова, жилъ и Надеждинъ, по выходѣ изъ профессоровъ Рязанской семинаріи. *Прим. автора.*

[2]) Получивъ достаточное обезпеченіе отъ Ѳ. Самарина за десятилѣтнюю службу, Д. М. Некрасовъ жилъ въ Москвѣ самостоятельно, не поступая на службу; скончался въ одиночествѣ въ пятидесятыхъ годахъ.

[3]) Ѳеогностъ (мірское имя Андрей) Лебедевъ, магистръ Петербургской Академіи, состоялъ баккалавромъ Московской Академіи съ 1827 по 1833 г.; съ 1833 по 1848 г. былъ ректоромъ Вологодской и Петербургской семинарій. Послѣ этого послѣдовательно былъ епископомъ Острогорскимъ, Вологодскимъ, Тобольскимъ; въ 1862 г. архіепископъ Псковскій; умеръ въ 1869 году.

псонъ».—Вопросъ, очевидно, очень легкій: всякій десятилѣтній мальчикъ могъ бы отлично разсказать эту исторію; а я, кончившій курсъ семинаріи однимъ изъ первыхъ студентовъ,—увы!—не могъ разсказать. Я сумѣлъ только отвѣтить: «Онъ (т.-е. Сампсонъ) много кое-чего сдѣлалъ»; мои экзаминаторы улыбнулись; «да что же именно?»—спросилъ Филаретъ. Я подумавъ немного, брякнулъ: «Онъ связалъ у лисицъ хвосты съ хвостами»,— и остановился. Мнѣ самому стыдно стало своей глупости или незнанія. «Что жъ, вы, видно, мало занимались церковной исторіей?» спросилъ Филаретъ; а Ѳеогностъ, не дожидаясь моего отвѣта, прибавилъ: «Нечего и спрашивать; и такъ видно. Довольно» . Я и отправился, со стыдомъ и досадою въ душѣ, на мѣсто.

Почему же, однако, я такъ дурно отвѣтилъ? Да потому, что не могъ отвѣтить хорошо. Описывая свое семинарское житье, я уже замѣтилъ, что преподаваніе церковной исторіи шло у насъ вообще плохо, а въ частности мои занятія ею были изъ рукъ вонъ плохи, — съ одной стороны, потому, что преподаватель былъ слабъ, невзыскателенъ, да и малосвѣдущъ, съ другой—потому, что у меня не было учебника и не было возможности достать его, вслѣдствіе чего сначала я слушалъ, что было говорено или читано въ классѣ, но запомнить все это не могъ, оставались въ памяти лишь кое-какіе отрывки; но какъ прочитывать и приготовлять уроки было не по чему, то мало-по-малу я и въ классѣ слушать сталъ меньше, а потомъ и въ классъ началъ являться рѣдко, наконецъ, и совсѣмъ почти пересталъ ходить на церковную исторію; если жъ когда и приходилъ и учитель меня спрашивалъ, то я преблагополучно отвѣчалъ ему, частію заглядывая въ книжку, частію при помощи подсказыванія, чего нашъ добрѣйшій Петръ Васильевичъ [1]) либо не замѣчалъ, либо казался незамѣчающимъ. Такимъ образомъ по классу церковной исторіи я не только не пріобрѣлъ въ семинаріи какихъ-нибудь свѣдѣній, но растерялъ даже и тѣ, какія имѣлъ еще въ дѣтствѣ; напримѣръ, исторію Сампсона я довольно хорошо зналъ еще до поступленія въ училище, а теперь вотъ, при поступленіи въ Академію, не могъ привести ее себѣ на память во всей цѣлости и разсказать въ порядкѣ, а могъ лишь произнести выше упомянутыя слова о «хвостахъ лисицъ». Не то, чтобы я уже совсѣмъ забылъ эту исторію, напротивъ, я хорошо помнилъ, что Сампсонъ обладалъ необычайною силою, въ умѣ моемъ мелькнула мысль и о львѣ растерзанномъ, и о Далидѣ-мошенницѣ; но я чувствовалъ, что не разсказать мнѣ ничего, какъ слѣдуетъ, потому и не рѣшился дѣлать попытку. По счастію, этотъ мой экзаменъ по церковной исторіи, кажется, не имѣлъ никакого вліянія

[1]) Семинарскій преподаватель.

на пріемъ меня въ Академію, подобно какъ и прежде въ семинаріи незнаніе церковной исторіи нисколько не повредило ни мнѣ, ни моимъ другимъ товарищамъ. Впрочемъ, и здѣсь, въ Академіи, не я одинъ изъ державшихъ экзаменъ оказался незнающимъ исторіи, но много и другихъ нашлось, подобныхъ мнѣ. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ Академіи, на предметы «второстепенные», къ числу которыхъ относилась и церковная исторія, почти не обращалось никакого вниманія.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ церковной исторіи, мои экзамены, какъ устные, такъ и письменные, были удачны, и я не только принятъ въ академію вмѣстѣ въ другими, но и принятъ въ числѣ студентовъ перворазрядныхъ. Приняты и прочіе трое мои товарищи—рязанцы, и всѣ также въ первомъ разрядѣ, притомъ Гусевъ принятъ первымъ по списку студентомъ. Это довольно рѣдкое обстоятельство, т.-е. что всѣ мы четверо приняты въ первомъ разрядѣ, съ перваго раза обратило на насъ общее вниманіе всѣхъ какъ младшихъ, такъ и старшихъ студентовъ. Къ этому безъ самохвальства могу прибавить, что всѣ мы и по самой наружности были болѣе или менѣе, смѣю сказать, замѣчательны; Аманскій былъ самый красивый студентъ изъ всего нашего курса: высокаго роста, хорошо сложенный брюнетъ, лицомъ бѣлый и румяный, что называется кровь съ молокомъ; меня также считали красивымъ, но самъ о себѣ могу сказать только то, что я былъ въ то время румянъ, совершенно здоровъ и довольно силенъ; Орловъ тоже былъ очень недуренъ собой, блондинъ, средняго роста; а Гусевъ, хотя малъ былъ ростомъ, но лицо имѣлъ умное и пріятное, въ движеніяхъ былъ живъ и главное — голосъ имѣлъ басистый, говорилъ громко, смѣло и складно. Все это въ совокупности было причиною, что о насъ съ самыхъ первыхъ дней нашего пребыванія въ Академіи стали говорить: «Рязанцы-молодцы». Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что изъ всѣхъ поступившихъ вмѣстѣ съ нами въ Академію только два студента Нижегородской семинаріи оба приняты въ первомъ разрядѣ, но ихъ только двое и было прислано; и изъ тѣхъ семинарій, изъ которыхъ въ Академію явились трое, четверо и пятеро, болѣе двухъ человѣкъ не попали въ первый разрядъ (такъ, напр., изъ Московской явились пятеро, а въ первый разрядъ приняты двое; изъ Виѳанской явились четверо, въ первый разрядъ приняты тоже двое; изъ шестерыхъ Владимірскихъ чуть ли не одинъ, но никакъ не больше двухъ поступили въ первый разрядъ; изъ пятерыхъ Ярославскихъ— двое; изъ четверыхъ Тамбовскихъ—двое), изъ прочихъ же нѣкоторыхъ по одному, и изъ иныхъ и ни одного не нашлось для перваго разряда. Впрочемъ, быть принятымъ въ первомъ разрядѣ еще не важно; это можетъ быть дѣломъ счастливаго

случая: несравненно важнѣе постоянно оставаться въ первомъ разрядѣ и кончить курсъ такъ. И на каждомъ курсѣ постоянно бывали случаи, что иной поступитъ въ Академію въ первомъ разрядѣ и окончитъ во 2-мъ, и наоборотъ. А мы четверо и приняты и во все продолженіе курса оставались и кончили курсъ въ первомъ разрядѣ; этого нельзя не признать замѣчательнымъ и другого подобнаго примѣра я не знаю. Жаль только одного: нашъ Гусевъ, постоянно остававшійся во всѣ четыре года первымъ, кончилъ курсъ пятымъ магистромъ [1]). Но этому были особыя причины, о которыхъ, можетъ-быть, скажу послѣ. А теперь буду продолжать исторію по порядку. По окончаніи пріемныхъ экзаменовъ официальнаго объявленія о томъ, кто изъ насъ принятъ и какъ, равно, и кто не принятъ, не было, но эти свѣдѣнія скоро дошли до насъ частнымъ путемъ, черезъ старшихъ студентовъ, такъ что каждый изъ насъ зналъ о себѣ, принятъ ли онъ и какъ принятъ, т.-е. въ первомъ ли разрядѣ или во второмъ; а непринятымъ объявлено потихоньку инспекторомъ, чтобъ отправлялись во-свояси. Такъ изъ четырехъ монаховъ, какъ уже выше я сказалъ, принятъ только одинъ отецъ Василій Кашеляевскій, или какъ мы его послѣ обыкновенно звали «авва Василій». Прочіе же, какъ по назначенію на казенный счетъ прибывшіе, такъ и пріѣхавшіе по собственному желанію и на своемъ иждивеніи, или такъ называемые *волонтеры*, всѣ, за исключеніемъ только одного изъ сихъ послѣднихъ (т.-е. изъ волонтеровъ), приняты. Всѣхъ насъ вмѣстѣ съ монахами съѣхалось сюда безъ малаго шестьдесятъ человѣкъ — сорокъ по требованію академическаго правленія и на казенный счетъ и человѣкъ десять, кромѣ упомянутыхъ выше монаховъ, «добровольцевъ», или волонтеровъ. Попытаюсь ихъ припомнить и записать: *одинъ* изъ Московской семинаріи—*П. Румянцевъ*, *одинъ* изъ Виѳанской—А. *Успенскій*, *двое* или *трое* изъ Владимірской: *А. Сервицкій*, *Спасокукоцкій* и (кажется) *Алексѣй Соловьевъ*, впослѣдствіи Агаѳангелъ; *двое* изъ Ярославской—*И. Лавровъ* и *А. Аристовъ*, двое изъ Рязанской—*С. Орловъ* и *Н. Надеж-*

[1]) Всѣ рязанцы, поступившіе въ Академію съ о. Надеждинымъ, окончили курсъ магистрами: Гусевъ—пятымъ; Надеждинъ—восьмымъ; Аманскій—одиннадцатымъ и Орловъ—восемнадцатымъ. Гусевъ Дмитрій Ѳеодоровичъ, по окончаніи курса, поступилъ въ Петербургскую академію баккалавромъ по каѳедрѣ математики; въ 1842 г. перешелъ на ту же каѳедру ординарнымъ профессоромъ въ Казанскую академію, въ которой служилъ до 1858 г. Въ 1845—1848 гг. его сослуживцемъ былъ баккалавръ по каѳедрѣ патристики (скончавшійся московскимъ протоіереемъ въ 1891 г.) Д. И. Кастальскій, который въ своихъ ненапечатанныхъ «Семейныхъ запискахъ», хранящихся у его сыновей, пишетъ: «Въ числѣ сослуживцевъ моихъ былъ «Дмитрій Ѳеодоровичъ Гусевъ, ординарный профессоръ, нѣкогда игравшій великую роль при Академіи, а именно, когда былъ секретаремъ. Его боялись ректоры семинарій, потому что при прежнемъ ректорѣ Іоаннѣ онъ имѣлъ великую волю и разсылалъ выговоры и носы собственной работы. Онъ читалъ математику. Человѣкъ вспыльчивый, гордый, самостоятельный, точный и аккуратный въ службѣ, велъ онъ жизнь весьма правильную и степенную; любилъ, когда оказывали ему почтеніе, и принималъ порядочно состряпанную лесть. Личность весьма замѣчательная».

ждинъ, одинъ изъ Орловской—В. *Богословскій*, одинъ изъ Вятской—*Аѳ. Падаринъ*; слѣд., 11 да четыре монаха [1]). Итого всѣхъ 15-ть человѣкъ, а съ казенными 55-ть человѣкъ. Изъ этихъ-то добровольцевъ одному, а именно Алексѣю Успенскому, изъ виѳанцевъ, велѣно удалиться, что для всѣхъ почти насъ было очень удивительно. Этотъ Алексѣй Успенскій съ самаго перваго дня прибытія своего въ Академію держалъ себя въ ней совершенно свободно, «какъ дома», представлялся всезнающимъ и намъ, провинціаламъ, многое объяснялъ и разсказывалъ, что тутъ есть и бываетъ, каковы наставники, каковы ректоръ и инспекторъ. Такъ какъ Виѳанская семинарія находится въ трехъ верстахъ только отъ лавры и, что то же, отъ Академіи, и виѳанскіе семинаристы очень часто посѣщаютъ Академію, то естественно, что Успенскій зналъ о ней многое, что и намъ теперь сообщалъ, можетъ-быть, привирая при этомъ немало; онъ со всѣми вновь прибывшими очень скоро познакомился и тѣхъ, кто сколько-нибудь трусилъ передъ экзаменомъ, ободрялъ и успокаивалъ, говоря, что экзамены тутъ бываютъ не строги и что поступить въ Академію легко. Впрочемъ, ободряя и успокаивая насъ, онъ самъ иногда высказывалъ опасеніе, что, пожалуй, его и не примутъ. Такъ и случилось: его дѣйствительно не приняли. За что? За то, что онъ не устыдился чужое сочиненіе выдать за свое. Объ «Обѣтѣ Іефѳая», данномъ намъ всѣмъ, какъ выше сказано, для экзаменаціоннаго сочиненія, было написано и, кажется, напечатано большое разсужденіе одного изъ бывшихъ студентовъ 7 курса, кончившаго первымъ магистромъ, теперь состоявшаго баккалавромъ Академіи, Александра Ефимовича Нечаева [2]); такъ вотъ изъ этого-то разсужденія Успенскій имѣлъ глупость или безстыдство *буквально выписать*, сколько ему казалось нужнымъ, не прибавивъ при этомъ ничего своего, вслѣдствіе чего ему и велѣно убираться немедленно изъ Академіи. Затѣмъ всѣ, какъ по требованію прибывшіе, такъ и волонтеры, приняты въ составъ студентовъ 10-го академическаго курса Московской Духовной Академіи.

---

[1]) Изъ перечисленныхъ студентовъ не окончилъ курса въ академіи съ о. Надеждинымъ только Спасокукоцкій (см. о немъ ниже); Румянцевъ выпущенъ студентомъ; Лавровъ, Богословскій (въ монашествѣ Николай) и Падаринъ — кандидатами; остальные—магистрами. Агаѳангелъ (Алексѣй Соловьевъ), окончившій курсъ третьимъ магистромъ, оставленъ былъ въ Академіи баккалавромъ и въ 1842 г. сдѣланъ инспекторомъ. Въ 1854 г., послѣ ректорства въ Харьковской и Костромской семинаріяхъ, назначенъ ректоромъ Казанской Академіи, въ которой основалъ журналъ «Православный Собесѣдникъ»; въ 1857 г.— епископъ ревельскій, въ 1860—вятскій, въ 1866—волынскій, съ 1868 г.—архіепископъ; скончался въ 1876 г. Извѣстенъ своими трудами по толкованію Священнаго Писанія; былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ архипастырей; но держался взгляда, что епископъ долженъ имѣть неограниченную власть надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ.

[2]) По окончаніи курса въ Академіи въ 1830 году былъ назначенъ профессоромъ въ Виѳанскую семинарію; въ 1831 году былъ переведенъ баккалавромъ въ Московскую Академію, изъ которой выбылъ въ 1834 году, поступивъ въ Москву священникомъ; скончался въ санѣ протоіерея церкви Софіи на Набережной въ 1871 г. Его сочиненіе «Объ обѣтѣ Іефѳая» напечатано въ Моск. Син. Тип. въ 1830 году.

Обращаюсь теперь опять лично къ самому себѣ. Экзаменъ выдержалъ я, какъ видно изъ предыдущаго, счастливо; но не такъ счастливо было, собственно, «водвореніе» мое и первоначальное пребываніе въ стѣнахъ академическаго корпуса. Выше сказано, что еще въ день пріѣзда нашего сюда намъ, рязанцамъ, велѣно было помѣститься пока въ 13-мъ и 14-мъ номерахъ. Мы тамъ и помѣстились; тамъ же помѣстились и въ одно время съ нами пріѣхавшіе пензенскіе и саратовскіе студенты; но тамъ было уже нѣсколько человѣкъ ранѣе насъ пріѣхавшихъ, потому мѣстъ свободныхъ оставалось уже мало, мѣста считались по числу разставленныхъ здѣсь коекъ: въ 13-мъ номерѣ было ихъ семь, въ 14-мъ шесть; на каждой койкѣ лежали тюфякъ, двѣ подушки, простыня и одѣяло, всѣ новыя. Но такъ какъ всѣ эти вещи заготовлены были по числу только требованныхъ студентовъ, то ими и заняты были всѣ мѣста, а для волонтеровъ ни мѣстъ готовыхъ, ни коекъ съ принадлежностями не оказалось, потому каждому изъ нихъ приходилось располагаться, гдѣ и какъ случится. Нѣкоторые успѣли занять 15-й номеръ, гдѣ стояло шесть коекъ, на которыхъ, однакожъ, или совсѣмъ не было постельныхъ принадлежностей или на нѣкоторыхъ лежали тюфяки старые, съ таковыми же подушками. Инымъ приказано было помѣститься на время въ больницѣ, которая теперь была свободна, хотя и не совсѣмъ, потому что въ ней оставалось еще нѣсколько студентовъ, только что окончившихъ здѣсь курсъ, но не получившихъ еще никакого назначенія. Семенъ Орловъ помѣстился въ 15-мъ номерѣ. Мнѣ не хотѣлось ни въ 15-ый номеръ итти, ни въ больницу; въ 15-мъ номерѣ оставалась одна праздная койка, но безъ принадлежностей; я попытался было попросить тюфякъ и прочее у эконома, іеромонаха Пантелеймона [1]), но онъ грубо сказалъ, что у него нѣтъ для меня этихъ вещей; я осмѣлился отправиться къ о. инспектору съ жалобою, что экономъ не даетъ мнѣ тюфяка и прочаго, а инспекторъ на меня уже крикнулъ: «Вѣдь вы волонтеръ, слѣдовательно, должны просить, а не требовать; для васъ казна не обязана была готовить; вы должны быть благодарны и за то, что васъ приняли и вамъ жить здѣсь позволено. Дожидайтесь, когда привезутъ новые тюфяки, а теперь идите пока въ больницу». Вотъ тебѣ разъ! Но я въ больницу не пошелъ, а осмѣлился остаться въ 14-мъ номерѣ, гдѣ помѣстился Аманскій, и пользоваться пока одною общею съ нимъ койкою, что хотя было и довольно странно, но, повидимому, никому не представлялось таковымъ, да и не могло представляться, потому что между семинаристами, живущими на частныхъ квартирахъ, это довольно ча-

[1]) Экономомъ въ Московской Академіи съ 1831 по 1836 г. состоялъ не Пантелеймонъ, а Дамаскинъ (см. *Смирновъ* С. К., Исторія Моск. Дух. Академіи, стр. 354). Очевидно, о. Надеждину измѣнила память.

сто практикуется и, безъ сомнѣнія, практиковалось въ другихъ семинаріяхъ точно такъ же, какъ и въ нашей Рязанской [1]). Однакожъ, все-таки мнѣ было это досадно и грустно, потому что только я одинъ изъ всѣхъ бывшихъ тутъ студентовъ находился въ такомъ безпріютномъ положеніи. А въ больницу я не пошелъ потому, что тамъ пришлось бы мнѣ жить съ людьми совершенно мнѣ незнакомыми, и потому, казалось, будетъ очень скучно. Итакъ, я остался пока въ 14-мъ номерѣ въ ожиданіи тюфяка съ одѣяломъ и другими вещами, чего, можетъ-быть, инспекторъ и не зналъ. Но, кромѣ того, что у меня не было своей особенной койки, у меня не было въ карманѣ ни копейки, а вслѣдствіе этого лишенъ я былъ возможности пить свой чай по утрамъ и вечерамъ, что дѣлали всѣ студенты: это еще болѣе увеличивало во мнѣ досаду [2]). Спасибо, впрочемъ, Аманскій, съ которымъ мы въ это время особенно были дружны и у котораго денегъ было довольно, поилъ меня своимъ чаемъ; нерѣдко также приглашали меня къ себѣ на чай старшіе земляки — Преображенскій и Путятинъ. Но все же было мнѣ грустно, что я въ такомъ нахожусь положеніи: вѣдь нельзя же было мнѣ долго чужой чай пить. Къ счастью, такое положеніе мое было непродолжительно. Прошло съ недѣлю времени или немного болѣе, и я былъ обрадованъ самымъ пріятнымъ сюрпризомъ. Въ одинъ изъ дней, утромъ довольно рано, когда еще всѣ въ нашемъ номерѣ спали, равно и мы съ Аманскимъ, вдругъ раздался голосъ: «Гдѣ здѣсь студентъ Надеждинъ?» Я сквозь сонъ услышалъ и узналъ этотъ хорошо знакомый мнѣ голосъ и сейчасъ вскочилъ съ постели. Голосъ этотъ былъ дядюшки моего Андрея Алексѣевича Боголюбова, который, возвращаясь изъ деревни въ Москву, здѣсь въ посадѣ ночевалъ въ гостиницѣ и, зная по письму Глѣбова [3]), что я долженъ быть въ Академіи, пришелъ теперь отыскать меня и повидаться со мною. Одѣвшись на скорую руку, я подбѣжалъ къ нему. Поздоровавшись со мною, онъ сказалъ, что будетъ ждать меня къ чаю у себя въ номерѣ въ гостиницѣ, куда и пригласилъ прійти поскорѣе, а самъ пошелъ впередъ. Почти вслѣдъ за дядею оба мы съ Аманскимъ отправились къ нему въ номеръ. Войдя туда, увидѣли на столѣ кипящій самоваръ, а за столомъ сидящаго дядю. Съ нимъ снова мы облобызались, потомъ я отрекомендовалъ ему Аманскаго, какъ земляка и лучшаго моего товарища; дядя

---

[1]) Я во все время ученья семинарскаго всегда спалъ на одной постели съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, сперва со Ждановымъ, потомъ съ Ник. Смирновымъ, потомъ съ Сем. Орловымъ. Равно и другіе, какъ на нашей квартирѣ, такъ и на другихъ, обыкновенно всѣ спали подвое и очень рѣдко кто спалъ одинъ. *Прим. о. Надеждина.*

[2]) Въ настоящее время студенты всѣ пьютъ чай казенный, но въ наше время этого не было, тогда студенты, имѣющіе средства, пили свой чай, а не имѣющіе должны только смотрѣть, какъ другіе пьютъ. *Прим. о. Надеждина.*

[3]) Сослуживца Боголюбова; у него Надеждинъ останавливался въ Москвѣ, когда ѣхалъ въ академію.

съ нимъ также поцѣловался, при чемъ прибавилъ, что съ старшимъ братомъ его онъ вмѣстѣ учился въ семинаріи Рязанской, потомъ пригласилъ насъ сѣсть къ столу, налилъ три стакана чаю, подалъ намъ по стакану, себѣ взялъ такой же, и начались между нами взаимные разспросы и разсказы. Прошло съ часъ или больше времени: было восемь часовъ; намъ должно было итти въ классъ на лекціи. Я сказалъ это дядѣ, а онъ съ своей стороны замѣтилъ: «А мнѣ сейчасъ надо ѣхать въ Москву. Ну, Богъ дастъ, увидимся въ святки, тогда и наговоримся досыта, а теперь простимся». Потомъ, расцѣловавшись со мной и съ Аманскимъ, подалъ мнѣ въ руку пачку ассигнацій и сказалъ: «Вотъ тебѣ, другъ мой, на расходы». Затѣмъ еще облобызались мы съ нимъ и разстались. Идя въ лавру, я думалъ про себя: «Ну, слава Богу, теперь и у меня будетъ свой чай, вѣроятно, и съ булками». Нечего и говорить, какъ я былъ обрадованъ этимъ свиданьемъ съ дядею, котораго я всегда очень любилъ, а теперь еще больше возлюбилъ за его любовь, выраженную, между прочимъ, денежнымъ подаркомъ; но я не зналъ еще, сколько рубликовъ мнѣ дано; а пришедши въ номеръ и развернувъ пачку, увидѣлъ три красенькихъ бумажки, т.-е. тридцать рублей (разумѣется, ассигнаціями, такъ какъ тогда еще не было счета денегъ на серебро). О, какою благодарностью наполнилось мое сердце къ доброму дядюшкѣ! Къ этой радости вскорѣ присоединилась и другая: спустя дня два либо три послѣ сего всѣмъ волонтерамъ, слѣдовательно, и мнѣ, выданы были новые тюфяки съ одѣялами, подушками, простынями и наволочками, точно такими, какія прежде выданы студентамъ, поступившимъ по «требованію». Въ то же время объявлено всѣмъ инспекторское распоряженіе, кому въ какомъ номерѣ жить; вслѣдствіе этого мнѣ и Семену Орлову, вмѣстѣ съ другими четырьмя волонтерами, назначено жить въ 15-мъ номерѣ, а Гусеву и Аманскому въ 13-мъ. Черезъ годъ, кажется, Гусевъ перешелъ на жительство въ правленіе, такъ какъ онъ поступилъ въ письмоводители академическаго правленія, а мы трое оставались въ тѣхъ же номерахъ до поступленія нашего на старшій курсъ, т.-е. въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Всѣхъ номеровъ, въ которыхъ жили студенты обоихъ курсовъ, старшаго и младшаго, было 15-ть: *восемь* въ старомъ корпусѣ (или главномъ, гдѣ, собственно, и была Академія, т.-е. классы, правленіе, квартира ректора) и *семь* (отъ 9—15) въ новомъ; въ томъ и другомъ студенты занимали нижніе этажи; старшіе студенты жили въ старомъ корпусѣ, младшіе— въ новомъ; впрочемъ, нѣкоторые и изъ младшихъ имѣли помѣщеніе въ двухъ номерахъ стараго корпуса, которые извѣстны были подъ именемъ Лапландіи, такъ какъ въ нихъ почти во весь годъ нельзя было видѣть солнца.

Нашъ 15-ый номеръ, хотя былъ послѣднимъ по счету, но въ сущности былъ однимъ изъ лучшихъ, даже, можно сказать, самымъ лучшимъ, потому что онъ былъ совершенно отдѣленъ отъ прочихъ номеровъ новаго корпуса коридоромъ или сѣнями, тогда какъ всѣ прочіе номера были связаны, такъ сказать, между собою по два вмѣстѣ, такъ что одинъ изъ нихъ служилъ какъ бы прихожею для другого. Такъ, напр., 9-ый номеръ былъ связанъ съ 10-мъ, 11-ый съ 12-мъ, 13-й съ 14-мъ. Вслѣдствіе этой связи студентамъ было не совсѣмъ удобно, особенно тѣмъ, которые помѣщались во входныхъ номерахъ; притомъ же всѣ жившіе въ двухъ смежныхъ номерахъ составляли какъ бы одно семейство, состоящее изъ 13-ти человѣкъ, между которыми нерѣдко бывали такіе члены, которые прочимъ только мѣшали. Но въ 15-мъ номерѣ этого неудобства не было; хотя онъ и былъ связанъ, подобно прочимъ, съ другимъ входнымъ номеромъ, но этотъ входный номеръ былъ пустой; въ немъ по временамъ только бывали классы и студенты собирались сюда два раза въ недѣлю по классу математики и два раза по классу французскаго языка, а затѣмъ онъ всегда оставался пустымъ, что составляло большое удобство для студентовъ, жившихъ въ 15-мъ номерѣ, такъ какъ они могли этимъ пустымъ номеромъ пользоваться для своихъ занятій, а студентовъ-то жило въ немъ только семь, а впослѣдствіи даже шесть, слѣдовательно, просторъ былъ большой. Но и въ другихъ отношеніяхъ нашъ номеръ имѣлъ нѣкоторыя преимущества, а именно, во-первыхъ, видъ изъ него былъ лучше и открытѣе, чѣмъ изъ другихъ; во-вторыхъ, надъ нимъ вверху долгое время находилась больница студенческая, въ которой серьезно больныхъ никогда не бывало, поэтому намъ, жившимъ внизу, не страшно было иногда и покутить и покричать, тогда какъ надъ прочими номерами жили баккалавры и даже самъ инспекторъ, поэтому жившимъ въ этихъ номерахъ студентамъ нужно было держать себя осторожно, чтобы не накликать на себя инспектора, хотя, правду сказать, этимъ впослѣдствіи и мало стѣснялись нѣкоторые. Въ каждомъ изъ 15-ти номеровъ былъ свой особый старшой, который обязанъ былъ смотрѣть за порядкомъ въ номерѣ и о поведеніи каждаго студента ежедневно подавать инспектору вѣдомости. Всѣ эти старшіе были, конечно, изъ «старшаго курса». Въ нашъ номеръ назначенъ былъ старшимъ Николай Яковлевичъ Альбицкій [1]), очень хорошій человѣкъ. Преимущества каждаго старшаго предъ прочими рядовыми студентами состояли въ томъ, что онъ занималъ лучшее въ номерѣ мѣсто и имѣлъ у себя особый столикъ, за которымъ занимался, тогда какъ всѣ прочіе занимались за однимъ общимъ столомъ,

[1]) Изъ Владимірской семинаріи; окончилъ академическій курсъ въ 1834 году кандидатомъ.

стоявшимъ среди номера. Кромѣ старшаго, въ нашемъ 15-мъ номерѣ назначено было жить шестерымъ студентамъ младшимъ, волонтерамъ, которыхъ имена и фамиліи слѣдующія: 1) Семенъ *Орловъ*, мой землякъ, 2) Аѳанасій *Падаринъ* изъ Вятской семинаріи, 3) Андрей *Сервицкій*—изъ Владимірской, 4) Василій *Спасокукоцкій*—изъ той же, 5) Василій *Богословскій*—изъ Орловской, родной племянникъ Исидора, митрополита Петербургскаго, бывшаго тогда Полоцкимъ епископомъ, 6) я. Изъ нихъ одинъ, *Спасокукоцкій*, только одну треть жилъ тутъ и всѣмъ опротивѣлъ до нельзя: ничего не дѣлалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, постоянно былъ пьянъ и большею частію все спалъ; а лѣтами былъ значительно старше каждаго изъ насъ. Къ общему нашему удовольствію, онъ еще до окончанія первой трети удаленъ былъ изъ Академіи. А *Сервицкій* и *Богословскій* черезъ два года поступили въ монашество и получили новыя имена—первый *Александра*, второй *Николая*.

Всѣ мы, вновь поступившіе студенты, съ нетерпѣніемъ ждали начала лекцій. О преподавателяхъ, т.-е. профессорахъ и баккалаврахъ, получили уже мы нѣкоторое понятіе отъ старшихъ студентовъ; теперь хотѣлось поскорѣе самимъ послушать ихъ преподаваніе. На нашемъ младшемъ курсѣ преподавателей было *десять*: трое по философіи, между которыми одинъ профессоръ (Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій), и два баккалавра (Михаилъ Егоровичъ *Архидіаконскій* [1]) и Павелъ Игнатьевичъ *Беневоленскій*)[2]): двое по математикѣ,—одинъ профессоръ (Петръ Спиридоновичъ *Делицынъ*), другой баккалавръ (Василій Григорьевичъ *Примѣровъ*) [3]), далѣе—одинъ по словесности (баккалавръ Александръ Ефимовичъ *Нечаевъ*), одинъ по всеобщей гражданской исторіи (баккалавръ Ѳеодоръ Алексѣевичъ *Терновскій-Платоновъ*) [4]), одинъ по греческому языку (баккал. Степанъ Тимоѳеевичъ *Протопоповъ*, только что кончившій курсъ въ Академіи) [5]) и одинъ по французскому (бакк. Павелъ Петровичъ *Птицынъ*) [6]). Еще слѣдо-

[1]) Магистръ Петербургской Академіи, служилъ въ Моск. Академіи съ 1827 по 1835 годъ, когда поступилъ наставникомъ словесности въ Московскихъ училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ.

[2]) Магистръ пятаго (1822—1826 г.) курса Моск. Дух. Академіи; былъ профессоромъ сначала Рязанской, а потомъ Виѳанской семинаріи; въ 1830 году былъ переведенъ баккалавромъ философіи въ Моск. Академію; въ 1834 году сдѣлался священникомъ въ Москвѣ; скончался въ 1865 году протоіереемъ церкви Святителя Николая Явленнаго.

[3]) Магистръ шестого (1824—1828 г.) курса Моск. Академіи; по окончаніи курса состоялъ баккалавромъ до 1837 года, когда поступилъ на службу въ Московскій Опекунскій Совѣтъ.

[4]) Магистръ второго (1816—1820 г.) курса Моск. Дух. Академіи; по окончаніи курса—баккалавръ до 1833 года, въ которомъ скончался.

[5]) Магистръ восьмого (1828—1832 г.) курса Моск. Академіи; изъ баккалавровъ Академіи поступилъ въ 1838 году въ Москву въ священники; скончался въ санѣ протоіерея.

[6]) Магистръ шестого (1824—1828 г.) курса Моск. Дух. Академіи; въ 1833 году вышелъ въ Москву въ священники; скончался въ 1836 году.

вало бы быть баккалавру по нѣмецкому языку, но его не было, потому что нѣмецкій языкъ, въ видѣ пособія въ содержаніи, поручено было преподавать Ѳ. А. Голубинскому.

Кого изъ нихъ прежде всѣхъ пришлось намъ слушать, теперь не помню, но помню, что болѣе другихъ понравились намъ, или, можетъ-быть, лично мнѣ Терновскій-Платоновъ, баккалавръ по исторіи, и Архидіаконскій, баккалавръ по психологіи и метафизикѣ. Исторію гражданскую въ семинаріяхъ положено было проходить въ риторическомъ классѣ. Не знаю, какъ въ другихъ, а въ нашей Рязанской семинаріи она преподавалась плохо. Учебникомъ была исторія «Шрекка», которую мы зубрили буквально, а учитель былъ заика (А. В. Виноградовъ, кандидатъ Московской Академіи IV курса), который ничего почти не прибавлялъ отъ себя, а если что и прибавлялъ, того разобрать было нельзя. Такимъ образомъ мы гражданскую исторію знали слабо и въ риторикѣ, а потомъ въ слѣдующихъ классахъ почти растеряли и эти слабыя свѣдѣнія; поэтому теперь мнѣ очень интересно было послушать преподаваніе ея въ Академіи. И преподаватель оказался знающій и очень занимательный. Но меня удивила первая его лекція, въ которой я, вмѣсто ожидаемаго чего-нибудь новаго, услышалъ старое и знакомое, то самое, что училъ въ риторикѣ, только теперь это предлагалось съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями. Дѣло въ томъ, что учитель нашъ въ семинаріи первые уроки по исторіи, именно «предварительныя понятія», давалъ намъ по запискамъ, которыя мы списывали и учили наизусть, а записки-то это были у него именно академическія, т.-е. тѣ самыя, по которымъ онъ самъ учился въ Академіи и которыя были составлены либо Терновскимъ-Платоновымъ, либо кѣмъ-нибудь еще прежде него преподававшимъ исторію. Помню, что въ классѣ риторики эти первые уроки очень затрудняли всѣхъ насъ, что и не удивительно, такъ какъ они писаны не для мальчиковъ, учениковъ риторики, а для студентовъ Академіи; теперь же, когда пришлось мнѣ слушать ихъ опять отъ Терновскаго-Платонова, они оказались понятными и нетрудными, тѣмъ болѣе, что предлагались преподавателемъ устно и гораздо обширнѣе, чѣмъ это было въ семинаріи. Но этотъ преподаватель, кромѣ того, что хорошо зналъ свой предметъ, располагалъ къ себѣ своихъ слушателей самымъ способомъ преподаванія: онъ говорилъ просто и сердечно, увлекался своимъ предметомъ и увлекалъ за собою слушателей, держался въ изложеніи событій направленія религіознаго, указывалъ въ историческихъ фактахъ дѣйствіе Промысла Божественнаго иногда съ такимъ чувствомъ и такимъ жаромъ, что слезы выступали на его глазахъ, что для насъ отчасти было и смѣшно, но вмѣстѣ и трогательно. Онъ всѣми былъ любимъ; къ сожалѣнію, на первомъ еще году на-

шего ученья въ Академіи умеръ, кажется, скоропостижно. Архидіаконскій, преподаватель психологіи опытной и метафизики, также былъ интересенъ, но въ другомъ родѣ. Онъ не отличался глубокою ученостью, но говорилъ хорошо и складно, потому слушать его было пріятно; тѣмъ болѣе, что допускалъ въ своихъ объясненіяхъ разныя шуточки, разсказывалъ анекдоты; а себя, впрочемъ, держалъ довольно важно и по отношенію къ студентамъ довольно строго, такъ что его побаивались. Но только опытную психологію онъ излагалъ занимательно, а когда дѣло дошло до метафизики, объясненія его стали вялы и скучны; впрочемъ, и мало было имъ преподано намъ изъ метафизики, одна только (если память меня не обманываетъ) Theologia Naturalis, и то не вполнѣ, да еще кое-что изъ онтологіи; вообще лекціи его по метафизикѣ были отрывочны и не удовлетворительны, что зависѣло, безъ сомнѣнія, отъ того, что онъ самъ, по складу своего ума, былъ вовсе не метафизикъ, а сдѣлался метафизикомъ поневолѣ, т.-е. потому, что Ѳ. А. Голубинскій, читавшій прежде метафизику, по распоряженію Комиссіи д. училищъ, долженъ былъ съ предшествовавшаго намъ курса (т.-е. 9-го) отдать её баккалавру, а самъ читать исторію системъ философскихъ; потому и отдана она Архидіаконскому, который и читалъ её по запискамъ Голубинскаго. Да и лекціи по опытной-то психологіи читалъ онъ тоже не свои, а написанныя кѣмъ-то изъ его предшественниковъ и чуть ли отчасти не тѣмъ же Голубинскимъ. Намъ, рязанцамъ, эти лекціи также оказались знакомыми, потому что въ философскомъ классѣ семинаріи намъ преподавалъ ихъ инспекторъ Іоаннъ (Чистяковъ)[1]) съ нѣкоторыми лишь сокращеніями и мы учили ихъ наизусть. Такимъ образомъ мы частію отъ предшественниковъ своихъ узнали, частію и сами увидѣли, что Архидіаконскій совсѣмъ не философъ, а только бойкій говорунъ, тѣмъ не менѣе слушать его въ классѣ было пріятно.

Съ особеннымъ любопытствомъ всѣ мы ждали первой лекціи профессора философіи Ѳеодора Александровича Голубинскаго, о которомъ еще въ семинаріи слыхали какъ о великомъ философѣ, потому, когда дождались этой лекціи, слушали ее съ полнымъ вниманіемъ. Мы, рязанцы, немножко знали уже его и помнили съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ у насъ ревизоромъ, т.-е. четыре года назадъ.

Въ то время, какъ у насъ въ семинаріи кончились переходные экзамены (1828 г.) и уже приблизился день роспуска на вакацію, вдругъ пронеслась между нами, учениками риторики, молва, что въ нашу семинарію ѣдетъ ревизоръ... Начальство наше вѣроятно знало объ этомъ раньше; можетъ-

[1]) Магистръ шестого (1824—1828 г.) курса Московск. Дух. Академіи; съ 1828 до 1830 г.—инспекторъ Рязанской семинаріи.

быть, и ученики старшихъ классовъ семинаріи знали, но для насъ, риторовъ, эта вѣсть была сколько неожиданною, столько и страшною. «Ну, опять экзамены! Опять тревоги и заботы! Ну, если передъ ревизоромъ срѣжешься, что тогда дѣлать?» думалось мнѣ, какъ и другимъ, конечно. Ждали мы ревизора нѣсколько дней; прошло уже и 15-ое іюня—день отпуска семинаристовъ на вакацію по старому порядку,—а ревизора все нѣтъ. Слышно было, что ректоръ хочетъ уже насъ распустить; вдругъ пронесся слухъ, что ревизоръ пріѣхалъ. Этотъ ревизоръ былъ знаменитый въ свое время Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій, профессоръ философіи въ Московской Духовной Академіи, у котораго и я впослѣдствіи учился. По пріѣздѣ его о немъ только у насъ и были разговоры. Разсказывали, что онъ ума необыкновеннаго (что было совершенно справедливо), что онъ и по наружности человѣкъ необыкновенный (и это была правда), что онъ пріѣхалъ въ простой телѣгѣ съ рогожною кибиткою. Между прочимъ, какъ-то узнали и выдавали за вѣрное, что когда онъ спитъ, то сонъ его бываетъ такъ крѣпокъ, что разбудить его никто не можетъ, кромѣ пріѣхавшаго съ нимъ служителя, который беретъ въ такомъ случаѣ за носъ и треплетъ, отъ чего тотъ и просыпается. Ужъ и не знаю, басня ли это была или сущая правда. Когда пришла очередь нашему классу экзаменоваться передъ ревизоромъ, и мы видѣли входящаго къ намъ ревизора вмѣстѣ съ ректоромъ, всѣхъ насъ охватило какое-то новое чувство страха, соединеннаго, впрочемъ, и съ любопытствомъ и съ удивленіемъ. Мы всѣ устремили наши взоры, конечно, на одного ревизора и увидѣли, что это былъ человѣкъ средняго роста, въ синемъ фракѣ и, кажется, такихъ же панталонахъ. Въ этомъ еще ничего не было особеннаго, такъ какъ и наши всѣ профессора въ то время ходили въ такихъ фракахъ и панталонахъ; но на лицѣ ревизора мы увидѣли много особеннаго и непохожаго на другія лица: во-первыхъ, онъ былъ въ очкахъ и, какъ оказалось вскорѣ, былъ весьма близорукъ, такъ что всякую бумагу или книгу, которую хотѣлъ разсмотрѣть, обыкновенно подносилъ къ самому носу; то же дѣлалъ, когда писалъ что-нибудь; во-вторыхъ, глаза у него были почти закрытые, а носъ довольно большой; въ-третьихъ, надъ обоими глазами были у него какія-то шишки или возвышенія, что давало ему некрасивый и даже страшный видъ.

А когда онъ сѣлъ на приготовленное ему мѣсто и началъ говорить, мы услышали, что онъ говоритъ не такъ, какъ другіе, но какимъ-то особеннымъ, неслыханнымъ нами, голосомъ, то тихимъ и мягкимъ, то переходящимъ въ басъ и потому грубоватымъ. Вскорѣ, однакожъ, вниманіе наше отъ ревизора перешло на другіе предметы. Начался экзаменъ. Ректоръ (Гедеонъ) сталъ вызывать учениковъ на средину класса, по

три, по четыре человѣка; профессоръ словесности Массальскій предлагалъ вопросы изъ уроковъ риторики по порядку каждому изъ вызванныхъ; ревизоръ слушалъ внимательно, иногда самъ спрашивалъ что-нибудь, или говорилъ: «Довольно»; потомъ давалъ предложенія для экспромптовъ, выслушавъ которые, отпускалъ учениковъ на мѣсто и записывалъ въ своемъ спискѣ ихъ отвѣты. Я былъ вызванъ въ числѣ первыхъ и отвѣтилъ, какъ слѣдуетъ, послѣ чего совершенно успокоился и сидѣлъ до конца экзамена довольно благодушно. Были даны также ревизоромъ — не помню только прежде или послѣ устнаго экзамена—всѣмъ ученикамъ риторики, т.-е. и перваго и второго отдѣленія, двѣ темы для сочиненій, одна на русскомъ, другая на латинскомъ языкахъ, которыя мы должны были написать въ классѣ на русскомъ и на латинскомъ языкахъ. Тѣмъ у насъ дѣло и кончилось. Что было въ другихъ классахъ, мнѣ не извѣстно. Экзамены ревизорскіе въ семинаріи шли больше недѣли; по окончаніи ихъ составлены были новые списки учениковъ во всѣхъ классахъ.

Тогда Ѳеодоръ Александровичъ былъ еще во фракѣ и довольно неуклюжъ, а когда мы поступали въ Академію, онъ былъ уже въ рясѣ и протоіереемъ, потому неуклюжесть его была менѣе примѣтна; но онъ былъ очень близорукъ и говорилъ какъ-то странно. Все это, однакожъ, не умаляло его достоинства въ глазахъ нашихъ, а напротивъ, кажется, возвышало. На первой лекціи говорилъ онъ о томъ, «что такое философія и какъ она началась». При этомъ онъ приводилъ мнѣнія разныхъ философовъ и критически разбиралъ ихъ. Говорилъ онъ медленно и внятно, но нельзя сказать, чтобы очень ясно; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось. Видно было, что онъ самъ хорошо знаетъ о чемъ говоритъ, но недостаточно, по моему мнѣнію, развиваетъ свои мысли; оттого кое-что для меня, вѣроятно, и для другихъ, казалось недосказаннымъ и оставалось не вполнѣ понятнымъ. Многіе записывали за нимъ, и я попробовалъ было, но скоро бросилъ, потому что и записывать не успѣвалъ, и слушать хорошо при этомъ не могъ. Когда, по окончаніи лекціи, вышедши изъ класса, сталъ я припоминать слышанное, оказалось, что въ памяти моей очень немного осталось. На слѣдующей лекціи опять продолжалъ онъ говорить о томъ же, и на слѣдующихъ затѣмъ еще двухъ либо трехъ лекціяхъ все говорилъ о томъ же; все это было только «введеніе въ философію», которое онъ кончилъ полнымъ и всестороннимъ опредѣленіемъ философіи, какъ науки. Прослушавъ всѣ эти лекціи, я пришелъ къ тому заключенію, что Голубинскій философъ истинный, но лекціи его будутъ, кажется, скучноваты, что и оправдалось вскорѣ.

Послѣ «введенія въ философію», онъ прямо перешелъ къ чтенію «исторіи системъ философскихъ», а исторію эту онъ не

разсказывалъ, а именно читалъ по книгѣ, иногда и не по одной, а по двумъ или болѣе, а книги эти были нѣмецкія, потому онъ читалъ намъ, переводя прямо съ нѣмецкаго, вслѣдствіе чего чтенія были довольно медленны; хотя излагались они языкомъ чистымъ и правильнымъ, но тяжело было слушать ихъ непрерывно, въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ, такъ какъ въ то время лекціи по всѣмъ предметамъ были и въ академіяхъ и въ семинаріяхъ двухчасовыя. Правда, что на полные два часа рѣдко кто изъ преподавателей приходилъ, но и безъ четверти два часа, даже и полтора часа, сидѣть смирно и слушать чтеніе медленное о предметѣ отвлеченномъ—дѣло не легкое: вслѣдствіе этого, проскучавъ нѣсколько чтеній Ѳеодора Александровича, начали мы мало-по-малу уклоняться отъ нихъ, такъ что въ половинѣ первой трети года ученья стало являться къ нему въ классъ не больше половины студентовъ, а потомъ и еще менѣе; и онъ, Богъ его знаетъ, не замѣчалъ ли этого по слѣпотѣ своей или только казался незамѣчающимъ, продолжалъ себѣ читать далѣе и далѣе. Изрѣдка случалось, однакожъ, что онъ вставалъ съ своего мѣста и начиналъ ходить по классу, объясняя или опровергая какое-нибудь мнѣніе того или другого древняго философа; въ такихъ случаяхъ объясненія его становились для насъ очень интересными и вниманіе наше возбуждалось. Но эти случаи были рѣдки. Съ особенною любовью излагалъ онъ ученіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ философовъ древности, преимущественно же Платона. Довольно долго также останавливался онъ на философіи Конфуція, Зороастра, Пиѳагора. Къ сожалѣнію, онъ почти во всѣ два года читалъ намъ только о древнихъ философахъ, а объ новѣйшихъ мы почти ничего отъ него не слыхали. Собственно же для класса, т.-е. для репетицій и для экзаменовъ, лекціи составлены были имъ довольно краткія и на латинскомъ языкѣ. Репетиціи онъ дѣлалъ рѣдко и обыкновенно передъ самымъ экзаменомъ, такъ что въ оба года были, кажется, только четыре репетиціи, какъ и четыре экзамена, по два въ каждый годъ, одинъ передъ Рождествомъ Христовымъ, другой передъ вакаціей. Меня спросилъ онъ на первой самой репетиціи и больше уже ни разу не спрашивалъ; а спросилъ, помнится, о философіи Конфуція. Отвѣтъ мой состоялъ только въ томъ, что я прочелъ твердо наизусть выученную мною лекцію, которую онъ выслушавъ внимательно, сказалъ: «довольно»; потомъ спросилъ другого, третьяго и такъ далѣе. Но ни въ какія разсужденія онъ при этомъ не входилъ, никакихъ объясненій отъ студентовъ не требовалъ.

Скучно было слушать Ѳеодора Александровича, но его лекціи все же были болѣе или менѣе интересны, въ нихъ много было для насъ новаго и даже неизвѣстнаго, что невольно возбуждало и привлекало къ себѣ каждаго изъ насъ. Несра-

вненно скучнѣе были лекціи *Беневоленскаго* Павла Игнатьевича, третьяго преподавателя философіи. Мы, рязанцы, знали его уже и прежде, такъ какъ онъ былъ нѣсколько времени профессоромъ философіи въ Рязанской семинаріи и сами учились у него,—мы двое съ Аманскимъ учились только одинъ мѣсяцъ (кажется), т.-е. только до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ къ намъ инспекторъ Іоаннъ, который назначенъ былъ профессоромъ перваго отдѣленія философскаго класса, а Гусевъ и Орловъ учились въ теченіе года, т.-е. пока Беневоленскій не былъ переведенъ изъ Рязанской въ Виѳанскую семинарію.

Ѳеодоръ Александровичъ, какъ мы впослѣдствіи узнали, еще въ то время, какъ пріѣзжалъ ревизоромъ въ Рязанскую семинарію, задумалъ взять Беневоленскаго въ Академію, въ помощники себѣ, т.-е. на должность баккалавра по философіи, но какъ мѣста тогда празднаго не было, то перевелъ его или предложилъ перевести пока въ Виѳанію на этотъ же предметъ, а черезъ годъ перетащилъ и въ Академію. Человѣкъ онъ (Беневоленскій) былъ, какъ сказано выше, хорошій, трудолюбивый, исправный, знающій дѣло и по многимъ отношеніямъ достойный уваженія, но преподаватель, повторяю, скучнѣйшій, а потому итти къ нему на лекцію было большимъ наказаніемъ. И самъ по себѣ предметъ-то его, т.-е. логика, по своей сухости и отвлеченности, не очень интересенъ для юношескихъ умовъ, а при преподаваніи Беневоленскаго, медлительномъ, робкомъ и нѣсколько плаксивомъ, становился просто несноснымъ.

Зато и наказывали его студенты полнымъ невниманіемъ. Въ началѣ курса, конечно, всѣ ходили на его лекціи, а потомъ мало-по-малу перестали ходить, наконецъ, почти совсѣмъ уже не ходили, исключая только развѣ самыхъ ретивыхъ, какихъ въ нашемъ курсѣ было не болѣе пяти человѣкъ, и я былъ не изъ числа ихъ. На экзаменахъ же по его предмету всегда почти студенты рѣзались.

Чуть ли не болѣе всѣхъ другихъ наукъ интересовала меня на первый разъ словесность. О прочихъ наукахъ, преподаваемыхъ на первомъ курсѣ Академіи, я имѣлъ нѣкоторое, довольно ясное, впрочемъ, понятіе еще въ семинаріи; но что такое словесность, я не могъ себѣ ясно представить. Въ семинаріи насъ учили риторикѣ, а о словесности и помину не было. Но наша семинарская риторика заключала въ себѣ только правила составленія переводовъ, хрій и разсужденій или рѣчей ораторскихъ: ужъ не та же ли риторика и здѣсь преподается, только подъ инымъ именемъ, т.-е. подъ именемъ словесности (думалось мнѣ), или же это совсѣмъ иная наука? Съ этимъ вопросомъ я предварительно обращался, не помню, къ кому изъ старшихъ студентовъ-земляковъ и получилъ въ отвѣтъ,

что словесность совсѣмъ не то, что риторика, а что именно—это, дескать, узнаешь самъ. Впрочемъ, землякъ далъ мнѣ лекціи словесности бывшаго профессора этого предмета *Доброхотова* [1]), который, къ сожалѣнію, во время послѣдней вакаціи, т.-е. передъ нашимъ поступленіемъ въ Академію, почти скоропостижно умеръ. Объ этомъ профессорѣ разсказывали, что онъ былъ весьма умный, но съ теченіемъ времени сильно облѣнившійся, однакожъ, въ классѣ умѣвшій быть занимательнымъ; особенно онъ отличался, какъ разсказывали, критическимъ талантомъ. Лекціи его имъ ли самимъ были составлены и сданы студентамъ, или самими студентами записаны съ его словъ, не могу теперь припомнить, какъ мнѣ было объ этомъ сказано,—были онѣ въ свое время замѣчательными, но въ теченіе многихъ лѣтъ, оставаясь безъ всякаго исправленія и дополненія, естественно, сдѣлались отсталыми и неудовлетворительными.

Однакожъ, для меня, когда я нѣсколько ознакомился съ ними, оказалось немало въ нихъ новаго и интереснаго. Я видѣлъ и убѣждался, что словесность академическая—не риторика.

По случаю недавней смерти Доброхотова, преемникомъ ему назначенъ молодой баккалавръ Александръ Ефимовичъ Нечаевъ, бывшій доселѣ въ теченіе двухъ, кажется, лѣтъ баккалавромъ по греческому языку въ низшемъ отдѣленіи Академіи. Словесность преподавалъ онъ намъ частію по запискамъ Доброхотова, частію по своимъ собственнымъ. Преподаваніе его было не очень удовлетворительно; онъ говорилъ очень скоро и довольно тихо, потому не все, что онъ говорилъ, можно было разслышать, да и самыя объясненія его были кратки и сухи; но содержаніе его лекцій для насъ было интересно по новости этого предмета, такъ какъ въ семинаріи о томъ даже и намека никакого никому изъ насъ слышать не приходилось. Меня въ особенности интересовали трактаты о изящномъ, о высокомъ, о геніи и талантѣ, о которыхъ прежде не имѣлъ почти никакого понятія.

О баккалаврахъ греческаго и французскаго языковъ [2]) сказать почти нечего. По греческому языку занятія наши состояли только въ переводѣ на русскій, кажется, нѣкоторыхъ философскихъ статей Платона и другихъ греческихъ философовъ; и по французскому баккалавръ, главнымъ образомъ, занималъ насъ также переводами, впрочемъ, при этомъ не мало сообщалъ и грамматическихъ правилъ, которыхъ мы или вовсе не знали, или знали очень слабо, и старался испра-

---

[1]) Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ былъ товарищемъ по Академіи П. С. Делицына и Ѳ. А. Голубинскаго и кончилъ курсъ вторымъ магистромъ; Делицынъ же первымъ, а Голубинскій третьимъ. Прим. о. Надеждина.

[2]) Протопоповъ Ст. Тим. и Птицынъ, Павелъ Петровичъ.

вить сколько-нибудь наше семинарское произношеніе французскихъ словъ, хотя этого и не достигъ частію, можетъ-быть, и потому, что и самъ-то онъ едва ли могъ безукоризненно читать по-французски, а болѣе потому, что мы не способны уже были усвоить себѣ правильное чтеніе французскаго текста. Однакожъ, я лично все-таки понаучился нѣсколько при руководствѣ этого баккалавра и читать и переводить лучше, чѣмъ умѣлъ прежде, такъ что къ концу года онъ записалъ меня въ своемъ спискѣ, т.-е. по классу французскаго языка, *первымъ;* а всѣхъ-то насъ было только *десять* человѣкъ. Баккалавръ Птицынъ училъ насъ французскому языку одинъ годъ, потомъ вышелъ въ священники въ Москву.

Послѣ него преподаваніе французскаго языка поручено было профессору математики Делицыну, Петру Спиридоновичу, въ видѣ награды за его труды и службу въ Академіи, подобно какъ и нѣмецкій языкъ прежде сего отданъ былъ Ѳ. А. Голубинскому, о чемъ уже, кажется, выше упомянуто. Но и при Петрѣ Спиридоновичѣ я оставался также *первымъ*. А самъ Петръ Спиридоновичъ-то читалъ по-французски чуть ли не хуже послѣдняго изъ насъ, хотя переводилъ съ французскаго прекрасно, поэтому при немъ наше знаніе собственно французскаго языка не только не прибавилось, но чуть ли не уменьшилось, такъ какъ онъ никогда ни единымъ словомъ не касался грамматики, но переводить съ французскаго мы навыкли больше и довольно ознакомились съ разными оборотами языка. Чтобъ облегчить наши занятія, но вмѣстѣ и ознакомить больше съ языкомъ, онъ придумалъ слѣдующій способъ: каждому изъ насъ назначилъ для домашняго перевода по большой статьѣ изъ «Богословскаго словаря» Бержье, съ тѣмъ, чтобъ всѣ эти переводы были ему поданы для просмотра; а въ классѣ переводилъ съ нами исторію Боссюэта, при чемъ обыкновенно занимался только съ однимъ какимъ-нибудь студентомъ, по очереди, а прочіе только слушали: но такъ какъ онъ скоро замѣтилъ, что это слушаніе наводило на насъ скуку, вслѣдствіе чего студенты начали являться въ классъ не въ полномъ числѣ, то онъ столько былъ любезенъ и снисходителенъ къ нашей лѣности, что дозволилъ приходить въ классъ только двоимъ по очереди, изъ которыхъ каждый по получасу, прочитавъ нѣсколько строкъ французскаго текста, переводилъ прочитанное на русскій, а онъ только лишь поправлялъ слова и выраженія. Но классъ французскаго языка (какъ выше сказано) данъ былъ Петру Спиридоновичу только въ прибавку къ математикѣ, для увеличенія его жалованья, а собственно онъ былъ профессоръ математики и тутъ былъ уже «настоящимъ хозяиномъ», вполнѣ знающимъ свое дѣло. Я математикѣ не учился (такъ какъ въ наше время она не была общеобязательнымъ для всѣхъ студентовъ предме-

томъ, такъ же какъ и гражданская исторія, но студентамъ предоставлялось на волю избрать изъ этихъ двухъ наукъ ту или другую, потому учившіеся исторіи не учились математикѣ, и наоборотъ; поэтому я избралъ исторію, а математикѣ не учился), стало-быть, и не слушалъ преподаванія Петра Спиридоновича и не могу судить о немъ по собственному опыту; но, по общему и единогласному отзыву всѣхъ слушавшихъ его, это былъ отличный преподаватель: говорилъ такъ просто, ясно и отчетливо, что всякій безъ труда понималъ и усваивалъ его лекціи [1]). Онъ самъ преподавалъ только геометрію, а алгебру и физику читалъ баккалавръ Вас. Григ. Примѣровъ, преподаваніемъ котораго студенты не очень были довольны.

Кстати, здѣсь надобно упомянуть объ Александрѣ Ивановичѣ Невоструевѣ, который по смерти Ѳ. А. Терновскаго-Платонова сдѣлался его преемникомъ, т.-е. баккалавромъ по гражданской исторіи. Это былъ даровитый и хорошій препода-

---

[1]) Протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, ординарный профессоръ математическихъ наукъ въ Москов. Дух. Академіи (съ 1818 по 1863 г.), родился 16-го іюня 1795 г. въ семьѣ священника Московской Знаменской, въ Переяславской слободѣ, церкви о. Спиридона Зарина. При поступленіи въ школу (славяно-греко-латинскую академію) П. С. получилъ фамилію «Делицынъ», согласно желанію отца, желавшаго выразить этимъ мысль, что сынъ его, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ составляетъ утѣху (delicia) для отца и матери. Въ 1804 г., на 9-мъ году отъ рожденія, П. С. поступилъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. Еще здѣсь обнаружилась у него живая склонность къ занятію математическими науками; обучаясь въ старшихъ классахъ указанной школы, онъ находилъ возможность и время посѣщать въ университетѣ лекціи профессора физики П. И. Страхова. По окончаніи курса средней школы въ Заиконоспасскомъ монастырѣ въ 1814 году П. С. былъ принятъ въ томъ же году въ число воспитанниковъ только что открытой при Троицкой лаврѣ Московской Академіи, которую окончилъ первымъ магистромъ въ 1818 году вмѣстѣ съ знаменитымъ впослѣдствіи философомъ и проф. Академіи, Ѳ. А. Голубинскимъ. Съ этого же года началась и служебная дѣятельность П. С. при Академіи въ качествѣ баккалавра физико-математическихъ наукъ. Въ 1822 году, черезъ четыре года службы, онъ возведенъ былъ уже въ званіе ординарнаго профессора. Въ августѣ 1833 года Делицынъ былъ рукоположенъ во священники Московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, оставаясь на службѣ при Академіи (такое совмѣстительство было обычнымъ по тому времени). Кромѣ своихъ непосредственныхъ занятій математикой въ различныхъ ея видахъ, П. С. съ 1843 г. принималъ самое дѣятельное участіе въ переводѣ на русскій языкъ и редактированіи (переводовъ другихъ лицъ) святоотеческихъ твореній. Подъ его редакціей въ продолженіе 20-ти лѣтъ издано 42 тома святоотеческихъ твореній, при чемъ въ своихъ переводахъ онъ достигалъ удивительной точности и отчетливости въ передачѣ смысла святоотеч. твореній, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ типичныя особенности стиля, оборотовъ и терминологіи твореній каждаго отца церкви. Исключительныя математическія способности П. С. и склонность его къ занятіямъ математическими предметами, проявившіяся еще во время обученія въ средней школѣ, развились и окрѣпли въ періодъ обученія въ Академіи, гдѣ онъ слушалъ лекціи и пользовался постояннымъ руководствомъ и указаніями въ своихъ домашнихъ занятіяхъ по математикѣ профессоровъ сначала В. Н. Кутневича (перешедшаго впослѣдствіи на каѳедру философіи, затѣмъ занявшаго постъ главнаго священника арміи и флота), а потомъ А. Е. Покровскаго (бывшаго впослѣдствіи протоіереемъ моск. придворнаго Верхоспасскаго собора). Кромѣ того, солидная философская подготовка, которую давала тогдашняя духовная школа, изощрила въ П. С. способность строгологическаго мышленія и тонкаго анализа, столь необходимую въ занятіяхъ математикой, особенно высшей. Поэтому, когда въ 1818 году П. С. самъ занялъ каѳедру математики въ Академіи, онъ явился уже вполнѣ подготовленнымъ и къ чтенію лекцій по этому предмету, и къ самостоятельной научной разработкѣ математическихъ проблемъ. По отзыву ученика П. С., впослѣдствіи профессора академіи Д. Ѳ. Голубинскаго, П. С. въ преподаваніи физико-математическахъ наукъ отличался удивительною от-

ватель, такъ что хотя вначалѣ намъ и жаль было Ѳеодора Алексѣевича, какъ хорошо знавшаго своей предметъ и умѣвшаго занимательно сообщать намъ свои знанія, однакожъ вскорѣ мы убѣдились, что и Невоструевъ достойный его преемникъ; онъ, конечно, менѣе былъ богатъ свѣдѣніями, но говорилъ очень складно и слушать его было пріятно.

Теперь поговорю о жизни въ Академіи.

Жизнь въ Академіи на первый разъ показалась мнѣ нѣсколько тяжелой и стѣснительной. До сихъ поръ на казнѣ я никогда не жилъ и потому «казенные» обычаи и порядки не очень мнѣ были по душѣ; по звонку обѣдать и ужинать, ложиться спать и утромъ вставать, и вставать притомъ въ 6 часовъ, не говоря ужъ о хожденіи въ классъ и выходѣ изъ класса по звонку, притомъ жить постоянно подъ надзоромъ старшаго, «комнатнаго», заниматься всѣмъ, живущимъ въ одномъ номерѣ, въ извѣстные часы за общимъ столомъ,—все это вначалѣ мнѣ не очень нравилось и какъ будто стѣсняло свободу; однакожъ довольно скоро, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, ко всему этому я привыкъ и не очень уже тяготился этими порядками. Первую треть своего учебнаго года всѣ мы начали и провели хорошо: въ классъ ходили исправно, дѣломъ занимались усердно, каждый мѣсяцъ подавали по сочиненію на заданныя темы. Прежде всего дано было одно общее для всѣхъ студентовъ низшаго отдѣленія предложеніе для сочиненія

четливостью и логичностью изложенія предмета, способностью улавливать существенныя стороны предмета и поразительно упрощать рѣшенія трудныхъ и сложныхъ математическихъ задачъ. «На всѣхъ чтеніяхъ П. С. по математикѣ,—говоритъ Д. Ѳ. Голубинскій,—лежала печать зрѣлаго философскаго образованія» (Приб. къ твор. св. оо. за 1863 г., ч. XXII, стр. 688). Кромѣ чистой математики, П. С. занимался физикой, механикой, астрономіей, пасхаліей. Изъ записокъ его по этимъ наукамъ сохранились (въ рукописяхъ): полный курсъ алгебры и тригонометріи, обширный трактатъ объ аналитическомъ опредѣленіи кривыхъ линій и поверхностей, руководство по механикѣ, математической географіи и изслѣдованіе объ опредѣленіи дня Пасхи. П. С. не ограничивался только чтеніемъ лекцій и классными занятіями со студентами Академіи. Рѣдкая любовь къ своему предмету и твердое сознаніе его полезности, въ смыслѣ выработки въ учащихся логичности и отчетливости мышленія, дѣлали изъ П. С. незамѣнимаго руководителя и въ частныхъ математическихъ занятіяхъ, особенно съ тѣми изъ студентовъ, которые готовились быть преподавателями математики въ семинаріяхъ. «Нужно было видѣть,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ проф. Д. Ѳ. Голубинскій,—съ какою любовью П. С. принималъ студентовъ, приходившихъ къ нему за рѣшеніемъ своихъ недоумѣній по части математики: иной, получивъ отъ него отвѣтъ на словахъ, думалъ, что этимъ дѣло окончилось; но чрезъ нѣсколько времени профессоръ призываетъ его, и студентъ видитъ на столѣ незабвеннаго профессора вычисленія, сдѣланныя имъ по поводу предложеннаго вопроса» (Приб. къ твор. свв. оо. 1863 г., ч. XXII, стр. 711). Дѣло подготовки нѣкоторыхъ изъ студентовъ къ преподаванію математики въ семинаріяхъ облегчалось для П. С. близкимъ знакомствомъ его съ программами преподаванія математики въ семинаріяхъ и вообще съ постановкою этого дѣла въ средней духовной школѣ. Въ продолженіе своей академической службы онъ 9 разъ, по порученію высшаго начальства, ревизовалъ разныя духовныя семинаріи. Кромѣ того, въ 1840 году ему поручено было составленіе проекта преподаванія алгебры въ духовныхъ семинаріяхъ.

Умеръ Петръ Спиридоновичъ буквально, какъ воинъ, «на своемъ посту»: послѣдняя его лекція была 24-го октября 1863 года, а чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ (30-го ноября) его уже не стало.

Свящ. І. Артаболевскій.

по философіи Ѳ. А. Голубинскимъ. Оно было выражено въ формѣ вопроса: «Можно ли чувство удивленія считать началомъ философіи, какъ нѣкоторые полагали?» (За точность выраженія не ручаюсь, но смыслъ именно тотъ самый). Я занялся довольно усердно этимъ вопросомъ и написалъ сочиненіе небольшое (листа въ два съ небольшимъ), но, какъ узналъ спустя много уже времени, очень удачное, такъ что Ѳ. А. Голубинскій подписалъ будто бы на немъ «optime». Самъ я не видалъ этого, но меня увѣрялъ кто-то (не помню) видѣвшій. Не помню, было ли это сочиненіе на русскомъ или на латинскомъ языкѣ. Кстати, здѣсь прибавлю, нельзя не пожалѣть, что въ наше время подаваемыя студентами сочиненія никому изъ нихъ не сдавались выправленными профессорами и баккалаврами хотя бы на время, такъ что сочинители оставались въ совершенномъ невѣдѣніи о судьбѣ своихъ произведеній, развѣ только случайно нѣкоторымъ удавалось получить какія-нибудь о нихъ свѣдѣнія. Это было крайне непріятно для всѣхъ, да и вредно, потому что отнимало охоту писать сочиненія; притомъ же тѣ ошибочныя и невѣрныя мнѣнія, какія высказаны были въ сочиненіи, но не указаны профессоромъ, могли повторяться и въ другихъ и, можетъ-быть, навсегда остаться въ сочинителѣ. Мнѣ, впрочемъ, посчастливилось узнать хотя общіе отзывы о нѣкоторыхъ изъ моихъ сочиненій, сдѣланные читавшими ихъ наставниками. Кромѣ вышеупомянутаго, изъ всѣхъ написанныхъ мною въ теченіе всего четырехлѣтняго академическаго курса ученія я узналъ кое что еще о трехъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ два были поданы на младшемъ курсѣ и одно на старшемъ: первое, по всеобщей исторіи, было подано баккалавру А. И. Невоструеву, который одинъ изъ всѣхъ академическихъ преподавателей призналъ нужнымъ и возможнымъ сдать на время нѣкоторымъ изъ студентовъ прочитанныя имъ ихъ сочиненія, въ числѣ другихъ и мнѣ сдалъ мое сочиненіе о крестовыхъ походахъ, съ нѣкоторыми замѣчаніями и поправками и съ подписью на концѣ: очень хорошо; второе, по всеобщей словесности, было подано баккалавру А. Е. Нечаеву. Оно сдано мнѣ не было, но отзывъ о немъ услышалъ я отъ баккалавра М. Е. Архидіаконскаго уже по поступленіи моемъ на старшій курсъ. Однажды я пришелъ къ нему, не помню по какой надобности. Онъ вдругъ и говоритъ мнѣ: «Вы, г. Надеждинъ, шалите». Я смотрю на него «во всѣ глаза», не понимая, что значатъ эти слова. Помолчавъ нѣсколько, онъ продолжалъ: «Вы подали сочиненіе по словесности, которое могло вамъ сильно повредить, но по расположенію къ вамъ оно скрыто отъ «старшихъ» (т.-е. отъ ректора и инспектора). Смотрите же, будьте осторожны впередъ, особенно теперь» (т.-е. на старшемъ курсѣ). Я съ великимъ удивленіемъ выслушалъ это неожиданное извѣстіе и, разумѣется, очень благодаренъ былъ доб-

рымъ наставникамъ за оказанное мнѣ вниманіе и, можно сказать, благодѣяніе. Что же дурного было въ моемъ сочиненіи, и чѣмъ собственно оно мнѣ могло повредить? Архидіаконскій этого мнѣ не объяснилъ; но употребленное имъ слово «шалите» дало мнѣ понять, что мною неудачно было выбрано самое предложеніе для сочиненія изъ нѣсколькихъ данныхъ баккалавромъ, а еще неудачнѣе было оно мною развито. Предложеніе заключалось въ вопросѣ: «Хорошо ли дѣлаютъ писатели повѣстей и романовъ, поставляя главнымъ содержаніемъ ихъ любовь?» (Передаю смыслъ вопроса, а за точность выраженій не ручаюсь.) На этотъ вопросъ, конечно, можно было отвѣчать и да и нѣтъ. Не знаю, какого отвѣта желалъ или ожидалъ баккалавръ, предложившій этотъ вопросъ, но я отвѣчалъ утвердительно и старался доказать это тѣмъ, что любовь есть чувство самое всеобщее, что нѣтъ человѣка, который не зналъ бы и не испыталъ бы любви, или родительской, или дѣтской, или супружеской, что любовь есть чувство весьма пріятное, что поэтому ничѣмъ нельзя такъ заинтересовать читателя, какъ изображеніемъ любви въ разныхъ видахъ, и что писатели романовъ и повѣстей совершенно правы, изображая въ своихъ произведеніяхъ главнымъ образомъ взаимную любовь извѣстныхъ лицъ между собою, ибо для этого имѣютъ они глубокое психологическое основаніе. Помню, что эти мысли развивалъ я въ своемъ сочиненіи съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ вѣрности довольно смѣло и со всѣмъ увлеченіемъ молодости. Поэтому немудрено, что я наговорилъ много лишняго, и для студента *Духовной* Академіи, пожалуй, непозволительнаго, по крайней мѣрѣ, для монашескаго взгляда нетерпимаго; слѣдовательно, очень вѣроятно, что могло бы мнѣ «сильно повредить» это неосторожное и неблагоразумное изложеніе моихъ мыслей о такомъ щекотливомъ предметѣ, и притомъ въ то время только теоретически мнѣ извѣстномъ. Но едва ли благоразумно поступилъ и самъ баккалавръ, давшій намъ такое предложеніе. Если мнѣ угрожала немалая непріятность за мой взглядъ, то не большая ли опасность угрожала и ему за необдуманно предложенный имъ вопросъ, особенно, еслибъ сочиненіе попало въ руки митрополита Филарета?

О третьемъ изъ вышеупомянутыхъ сочиненій, написанномъ на вопросъ: «Справедливо ли мнѣніе, что причина перваго грѣха заключается въ тѣлѣ, а не въ душѣ человѣка?» отзывъ сдѣланъ былъ преподавателемъ нравственнаго богословія инспекторомъ Филаретомъ Гумилевскимъ (сдѣлавшимся потомъ нашимъ ректоромъ по увольненіи Поликарпа), которымъ данъ былъ этотъ вопросъ и который читалъ мое сочиненіе съ критическимъ разборомъ въ классѣ вслухъ всѣмъ студентамъ старшаго курса и по прочтеніи отозвался такъ: «Несмотря

на нѣкоторые недостатки, указанные мною, и на журнальный слогъ, какимъ оно написано, сочиненіе это очень хорошее». Отвѣтъ мой на заданный вопросъ былъ, конечно, отрицательный и сочиненіе было довольно большое.

Я сказалъ уже выше, что эту треть провели мы хорошо, учились и вели себя какъ слѣдуетъ; треть закончилась, по обыкновенію, экзаменами по всѣмъ предметамъ; экзамены были довольно слабы. Мои экзамены всѣ прошли благополучно, и лишь только они кончились, мы втроемъ — Аманскій, я и еще не помню кто именно, наняли пару лошадей съ повозкою и отправились въ Москву на святки, о чемъ давно уже мечтали, и остановились тамъ въ домѣ Медико-Хирургической Академіи. Возвратясь послѣ святокъ въ лавру, т.-е. въ свой академическій корпусъ, я началъ вести себя сообразно задуманному плану [1]), именно: въ классы сталъ ходить неисправно, нѣкоторые началъ совсѣмъ опускать (преимущественно логику и исторію философіи, какъ болѣе другихъ скучные), а дома, въ номерѣ, мало сталъ заниматься дѣломъ серьезнымъ, а больше пустяками, напр., чтеніемъ журналовъ или просто болтаньемъ съ подобными мнѣ лѣнтяями. Впрочемъ, надобно сказать, что эта вторая треть учебнаго года и вообще прошла у насъ и (какъ послѣ узнали мы) всегда идетъ уже совсѣмъ не такъ, какъ первая, а значительно распущеннѣе. Что до меня лично касается, я началъ усердно упражняться въ изученіи бостона и виста и вмѣстѣ съ нѣкоторыми любителями нерѣдко до полночи и за полночь просиживалъ съ картами въ рукахъ. Игра у насъ, разумѣется, была «на мѣлокъ», но горячились не меньше, чѣмъ горячатся и играющіе на чистыя деньги. Въ такихъ занятіяхъ время отъ святокъ до масленицы прошло очень скоро, а на масленицу по приглашенію дяди я опять отправился въ Москву. Первую недѣлю Великаго поста провелъ я у дяди въ Москвѣ. Передъ отъѣздомъ въ свою Академію я снова имѣлъ разговоръ о переходѣ въ Медико-Хирургическую Академію и о томъ, какъ черезъ пять недѣль совершить съ успѣхомъ этотъ переходъ. Пять недѣль поста прошли скоро. Въ пятницу на шестой недѣлѣ лекціи въ нашей Академіи на двѣ слѣдующія недѣли прекратились, и нѣкоторые изъ студентовъ начали разъѣзжаться. Явившись къ инспектору (архимандриту Платону) для полученія позволенія ѣхать въ Москву на Страстную недѣлю и на Пасху, я попробовалъ просить у него дозволенія остаться въ Москвѣ и послѣ Пасхи для лѣченія (будто бы) моего ревматизма. Инспекторъ, выслушавъ меня, посмотрѣлъ на меня довольно подозрительно и

---

[1]) Планъ заключался въ томъ, чтобы весною покинуть Духовную Академію и перейти въ Медико-Хирургическую. Планъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

сказалъ: «Нѣтъ, этого позволенія я не могу вамъ дать, да и не вѣрится мнѣ, что вы больны ревматизмомъ. А если уже дѣйствительно больны, пришлите изъ Москвы свидѣтельство извѣстнаго врача о вашей болѣзни и, пожалуй, останьтесь тамъ послѣ Пасхи. Только это лѣченіе едва ли вамъ поможетъ, а между тѣмъ вы много можете потерять здѣсь». Конечно, это было справедливо, и я даже въ душѣ радъ былъ, что инспекторъ не далъ мнѣ прямого дозволенія остаться въ Москвѣ послѣ Пасхи; мнѣ что-то вдругъ жалко стало разстаться съ своею Академіей и съ товарищами, съ которыми уже довольно свыкся, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и полюбилъ.

Божественному Промыслу не угодно было, чтобы мой планъ осуществился [1]).

Сообщилъ *А. Надеждинъ*.

---

[1]) На этомъ о. Надеждинъ оканчиваетъ описаніе своей академической жизни.